

Кровь на палубе

Автор:

[Иван Любенко](#)

Кровь на палубе

Иван Иванович Любенко

Клим Ардашев #2

Когда внук «русского» пирата Капитона Русанова решает расшифровать криптограмму из дедушкиного наследства, он делает роковой шаг! Криптограмма – ключ к мадагаскарским сокровищам, найти которые – мечта каждого. Но на пути к золоту – трупы... Присяжному поверенному Климу Ардашеву предстоит раскрыть цепь загадочных преступлений, связанных с древним кладом, попасть в морской круиз и чуть не потерять свою любимую супругу в схватке с убийцей...

Иван Любенко

Кровь на палубе

© Любенко И., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца

авторских прав.

Глава 1

Таинственная криптограмма

Моей маме посвящается...

«Ставропольские губернские ведомости» № 30 от 9 августа 1910 года

ПОТЕРИ. НАХОДКИ. РАЗНОЕ

Расшифруй криптограмму – получи 25 рублей:

6141234132262141815598.64501554.2.

Нашедшему ответ надлежит оставить в почтовом отделении № 1 конверт с указанием своего адреса и пометкой «до востребования, предъявителю десятирублевого кредитного билета № КЗ 530215».

Клим Пантелеевич Ардашев дважды перечитал объявление, отложил газету и откинулся на спинку кожаного кресла. «Двадцать пять рублей за простую разгадку? Странно. – Присяжный поверенный достал коробочку любимого монпансье «Георг Ландрин», выбрал очередную прозрачную жертву и отправил ее в рот. – А какие меры предосторожности! Подумать только! – Он снова пробежал глазами строку: «...оставить... конверт с указанием своего адреса и пометкой: «до востребования, предъявителю десятирублевого кредитного билета № КЗ 530215». – Откровенно говоря, все это смахивает на дешевый

розыгрыш или, что более вероятно, на заурядное мошенничество».

Опыт адвокату подсказывал, что все необычные и малопонятные на первый взгляд события всегда случаются по чьей-то воле, а их последствия, к сожалению, бывают далеко не самые лучшие. Последние три года именно так все и происходило. Взять хотя бы прошлогоднее дело госпожи Загорской. Вроде бы сушая чепуха, так, фантазии восьмидесятилетней старушки: какие-то призраки, самовоспламеняющиеся свечи, непонятные голоса, ахи-вздохи... А во что все в итоге вылилось? «И все-таки: тридцать одна цифра и две точки, – глаза сами всматривались в типографский шрифт, а мозг невольно анализировал текст. – Ну уж нет! Хватит с меня криминальных ребусов и шарад! – остановил себя Клим Пантелеевич. – Надо бы и супругу уважить...»

Он перевернул страницу и принялся читать отчеркнутую Вероникой Альбертовной колонку: «Уважаемые Дамы и Господа! Российское Общество туристов совместно с Русским Обществом Пароходства и Торговли приглашает Вас в незабываемый круиз по пяти морям: Черному, Мраморному, Эгейскому, Средиземному и Красному! Самый современный и комфортабельный пароход, вежливый персонал, средиземноморская и французская кухня, концерты знаменитых артистов – все к вашим услугам! Вы откроете для себя шумный Константинополь, жемчужину Средиземноморья Смирну, античный остров Родос, благоухающий ароматами апельсиновых деревьев Бейрут, лучезарную Яффу, древний Египет, пройдете через Баб-эль-Мандебский пролив и увидите порт Джибути! Отплытие из Одессы 10 сентября в полдень, а также из Новороссийска в два часа пополудни следующего дня». «Ох, господи! – усмехнулся Ардашев. – Кто бы мог подумать, что я вернусь туда снова, да еще в качестве туриста! А впрочем, почему бы и нет? Тем более что в Джибути мне бывать не приходилось...».

Еще пять лет назад тайного посланника Российской империи – Клим Ардашева – в полусознательном состоянии доставили в Одессу на борту одного небольшого греческого контрабандного судна, потрепанного, как башмак бродяги. «Подданный Австро-Венгерской империи» страдал тропической лихорадкой и имел два сквозных пулевых ранения обеих ног – «подарок» союзников с Туманного Альбиона. Военный госпиталь и три последовательные операции на суставах не помогли. Консилиум врачей пришел к единодушному и весьма неутешительному заключению: самостоятельно ходить начальник Азиатского департамента МИД России вряд ли сможет. А значит, о секретных операциях за рубежом предстояло забыть навсегда. Ближайшая перспектива ничего хорошего

не сулила. Бывший константинопольский «чайханщик», «хозяин ателье» по пошиву европейского платья во французском Тунисе, «советник» русского посла в Персии, «торговец» драгоценными камнями на Цейлоне, «консультант» начальника полиции Дамаска и даже «австрийский археолог» в Порт-Саиде теперь остался не у дел. А успехов за плечами было немало: создание агентурной сети в Британской Ост-Индии (на Цейлоне, в Карачи, Бомбее и Хайдарабаде), вербовка высокопоставленного чиновника английской колониальной администрации в Дели и, наконец, последнее достижение – перлюстрация личного послания премьер-министра Великобритании представителю Соединенного Королевства на российско-английских консультациях по разграничению сфер влияния в Персии. Этому англичане ему не простили...

Теперь коллежского советника ждала почетная отставка и пожизненная пенсия. Так все, собственно, и вышло, правда, к этому добавились и другие «мелочи»: золотой перстень с вензельным изображением «Высочайшего имени Его Императорского Величества», жалованный по особому соизволению Государя, орден Владимира IV степени с бантом, единовременная денежная выплата в сто тысяч рублей и... пара костылей. И все это в тридцать восемь... Одним словом – полная и абсолютная безысходность. Наверное, он мог бы впасть в отчаяние и начать себя жалеть. И тогда – пропасть, темная и бездонная, от которой веет ледяным могильным холодом.

Но, видно, Бог помог, и Клим Пантелеевич сумел встать на ноги – в прямом и переносном смысле. Спустя два года благодаря собственной методике выздоровления он даже избавился от легкой хромоты. Вскоре, окончив экстерном Петербургский университет, новоявленный юрист получил право на адвокатскую деятельность, минуя обязательный пятилетний срок работы помощником присяжного поверенного. Перебравшись из столицы на родину, бывший секретный посланник заметно помолодел и теперь совершенно не выглядел на свои сорок три. Его открытое, гладко выбритое на европейский манер лицо посвежело, а карие глаза все чаще загорались юношеским задорным огоньком. И только прямой правильный нос добавлял облику былую строгость, которая легко разбивалась о едва заметную ямочку на подбородке и ломаную линию губ, навечно застывших в ироничной улыбке.

Словом, «Home is home though it be never so homely»[1 - Home is home though it be never so homely – (англ. посл.) – «дома и стены помогают» (прим. авт.).].

Все сложилось как нельзя лучше: дом купили новый, да еще в самом центре – на Николаевском проспекте; клиентов у заезжего столичного адвоката – хоть отбавляй; в городе – почет и уважение, а после раскрытия убийства французских подданных фамилия Ардашева облетела страницы всех мировых газет. Да вот только Вероника Альбертовна заскучала... Вроде бы и театр в Ставрополе есть, и два синемаатографа имеются, и на журфиксы приглашают, а все равно не то...

Клим Пантелеевич, как умный и наблюдательный человек, причину грусти жены понимал, но поделать ничего не мог – да и куда там! – Ставрополь – не Петербург! Тут хоть вдребезги разбейся, а ничего не попишешь. Да разве только в этом дело? Детей Веронике бог не дал, и потому свободного времени у тридцативосьмилетней спутницы знаменитого адвоката хватало с лихвой. И если раньше покупки в новомодных магазинах Невского проспекта, посещения модистки и куафера позволяли на время забыть о дате, указанной в метрическом свидетельстве, то здесь, на периферии, все было по-другому. Модных магазинов имелось всего два, а модистка и парикмахер сами приходили на дом. Так что возможности для свидания с зеркалом было предостаточно, и столичная madame все чаще предавалась унынию. А тут еще эта полнота... Яблочные, овощные и кисломолочные диеты только разыгрывали аппетит и портили настроение. Оставалось лишь менять гардероб, вздыхать и расстраиваться. В общем, все одно к одному. И никакие профессиональные успехи мужа не могли заглушить тоску немолодой уже женщины.

Тогда-то и задумался отставной коллежский советник о дальнем морском путешествии, предложив «лучезарной Богине» – как шутливо называл супругу бывший «рыцарь плаща и кинжала» – самостоятельно подобрать подходящий маршрут. «Стало быть, поплывем в Африку, – Ардашев открыл жестяную коробочку любимого монпансье и выбрал на этот раз красную конфетку. – И все-таки интересно, почему именно тридцать одна цифра?»

Глава 2

Смертоубийство

У двухэтажного дома на Мещанской улице стояла полицейская коляска, окруженная толпой зевак. Для тихого патриархального города со сотысячным

населением любое злоумышление – событие, а убийство – все равно что падение Тунгусского метеорита на Соборную площадь.

В три часа пополудни купец второй гильдии Пустоселов, зайдя в дом, обнаружил в собственном кабинете труп Савелия Лукича Русанова – повара и преданного слуги в одном лице. Белый от страха негоциант все еще никак не мог прийти в себя от недавнего происшествия. Он нервно глотал воду из чайного стакана, стучал зубами о его край и часто крестился на образа. Прямо перед ним сидел начальник губернского сыска и терпеливо ждал, когда свидетель обретет способность к членораздельному общению.

Ефим Андреевич Поляничко за долгую службу повидал всякого и потому в расследовании никогда не «гнал на почтовых». Повинуясь выработанной за годы профессиональной привычке, он внимательно осмотрел двор, все помещения и обстановку, но ничего необычного не обнаружил – типичное обиталище купчихи средней руки со скобяной лавкой в полуподвале. Первый этаж – каменный, второй – деревянный. На улицу выходила только торцевая часть здания в два окна. Одно из них – кабинетное. Как следовало из допроса приказчика, торговавшего металлическими скобами, задвижками, дверными петлями и прочим хозяйственным товаром, никакого шума с улицы не доносилось и ничего необычного не происходило. Хотя некоторый топот на втором этаже он слышал, но значения этому не придал. А вскоре раздался крик хозяина о помощи.

Поймав на себе изучающий взгляд свидетеля, Поляничко понял, что пора переходить к вопросам:

– Постарайтесь припомнить все с самого начала: как подошли к дому, открыли калитку...

– Все было как обычно, да и Полкан на цепи спокойно сидел. Чужого он не пропустит – порода свирепая. Горцы таких собак специально для охраны отар держат.

– Скажите, Афанасий Пантелеймонович, вы сразу вышли на улицу и окликнули городского или все-таки сперва кабинет осмотрели? – поглаживая нафиксатуаренные усы, осведомился полицейский.

– Когда я это злодейство увидел – не на шутку испугался. Схватил револьвер и давай все углы обшаривать, но все без толку. Никого уже не было. Видать, грабитель через окно ушел. Немудрено – ставни-то открыты были. Вот если бы Лукич их не отворил, может быть, тогда беды бы и не случилось, – пытаюсь скрыть нахлынувшие слезы, купец закусил губу и отвел глаза.

– А что у вас похищено?

– Пропали деньги из письменного стола да золотой портсигар – подарок жены на тридцатипятилетие.

– Сумма значительная?

– Полторы тысячи рублей. Хотел новую лавку открыть, товар закупить, да, видно, не сподобилось...

– Кто еще знал о деньгах?

– Кроме меня, никто. Другое дело, что я часто при всех выручку в ящик складывал. Все сейф собирался купить и вот...

– А приказчик ваш что за человек?

– Работает исправно, не ворует. Семьи нет. Живет с какой-то вдовушкой у нее на квартире. Грамоте обучен. Я им доволен.

– Выпивает?

– Иногда, да и то по праздникам. Ну, бывает, иной раз с душком приходит, но такое случается редко.

– Скажите, а погибший жил вместе с вами?

– Да. Его комната в самом низу, как раз за стенкой скобяной лавки, что на первом этаже. Я был там – вещи Савелия на месте. Видно, злодей туда не добрался... Слава богу, хозяйки с детишками дома не было, а то мало ли что...

В соседней комнате слышались женские рыдания и заунывный плач ребенка. Пустоселов умоляющими глазами уставился на полицейского, докучавшего своей назойливостью. Поднявшись со стула, Поляничко сказал:

– Завтра часам к десяти соблаговолите явиться в участок. Вполне возможно, у нас появятся новые вопросы... И супружницу успокойте. А то ведь сердешная, почитай, уже целый час надрывается.

Пустоселов кивнул и быстро исчез в соседней спальне. Поляничко же направился в кабинет.

– Итак, господа, какие имеются соображения?

– Чужой ворон к нам залетел, Ефим Андреевич, нездешний. Наши босяки на такое не отважатся, – кишка у них тонка. Курицу у соседа спьяну стащить, бабу свою арапником отхлестать – мастера. А чтоб так, ножом в брюхо, да четыре раза? Нет, точно говорю, каторжанин беглый к нам пожаловал, тать, не иначе. – Антон Филаретович Каширин, помощник начальника сыскного отделения, маленький толстый человечек на коротких, почти черепаших ножках, дважды обошел вокруг трупа и, не дождавшись похвалы начальника, вздохнул и полез за папиросами.

– А вы что скажете, Анатолий Францевич? – Поляничко извлек табакерку и стал неторопливо разминать между пальцами щепоть душистого зелья.

– Его убили примерно пару часов назад, – вытирая платком потную лысину, заключил судебный медик – грузный человек с красным лицом и синими прожилками на носу. Выразительная внешность Наливайко красноречиво свидетельствовала о его пагубной привычке и полностью соответствовала фамилии. – Всего было нанесено четыре колющие раны, каждая из которых уже сама по себе могла вызвать *exitus letalis*...

– Вы, доктор, соблаговолите по-русски выражаться, без этих... знаете ли, заумных иностранных материй, – недовольно фыркнул Каширин и выпустил в окно сизую струю папиросного дыма.

– Ах, да, господа, простите. Я хотел сказать, что смерть наступила в результате внутреннего кровоизлияния, сопровождаемого обильным внешним

кровотечением.

В это самое время фотограф, спрятавшись под черным и довольно затасканным покрывалом, жег магний в медной воронке и делал снимки в разных ракурсах, ненароком задевая молодого человека в темно-синем мундире. Из-за высокого роста следователю приходилось низко склоняться над столом, и от этого он был похож на вопросительный знак, кой обычно выводят в букварях для письма и чтения. Леечкин Цезарь Аполлинарьевич служил судебным следователем 2-го участка Ставропольского окружного суда и по чину являлся титулярным советником. Приходский священник имел отменное чувство юмора, когда решил осчастливить новорожденного с такой доброй фамилией столь грозным и воинственным именем. Оторвав голову от типографского бланка с заглавием «Протокол осмотра места совершения преступления», он выдал, наконец, собственные соображения:

– Злоумышленник, судя по всему, проник на второй этаж через открытое окно с целью совершения кражи. Вероятно, преступник неожиданно столкнулся с Русановым и нанес ему несколько ножевых ударов. Я думаю, стоит дождаться результатов дактилоскопического осмотра и уже после этого делать надлежащие выводы.

– Полностью с вами согласен, Цезарь Аполлинарьевич, – кивнул Поляничко и, вдохнув табачную смесь, зашелся чередой нескончаемых чихов. На лице Ефима Андреевича выступили слезы умиления. Промокнув глаза белоснежным платком, он осведомился: – А ножа так и не нашли?

– С тех пор как жулики поняли, что их можно отыскать по отпечаткам пальцев, орудия убийства они уносят с собой, – раздался голос фотографа, вынырнувшего из-под темной накидки.

Свернув материю, Казимир Матвеевич Сироткин приступил к выполнению недавно возложенных на него обязанностей судебного эксперта. Он открыл саквояж и достал коробку с десятью пузырьками, на каждом из которых были наклеены ярлычки: графит, индиго, алюминий, фосфорный аммоний, мел, каолин, танин, синька, смесь судана с морской травой. Затем убеленный сединой криминалист стал опускать в них разные кисточки, растирая при этом порошок на дверных ручках, оконном стекле и полированном шкафу. На проступившие следы рук он наводил объектив и, пытаясь добиться четкости изображения, принялся снимать с различных позиций, используя, как велел полицейский

циркуляр, прямые и косые лучи солнечного света. Не забыл Казимир Матвеевич и покойника, откатав мастикой десять безжизненных пальцев, после чего набросил на застывшее тело простыню и вымолвил:

– Вот и все.

– А дозволейте узнать, господа, что интересного вы обнаружили у потерпевшего в карманах и в его комнате? – поинтересовался старый полицант.

Леечкин, не поднимая головы, конфузливо уставился в столешницу. Каширин вмиг выбросил папиросу в окно и глупо заморгал глазами. Наконец он овладел собой и, сдернув с покойника покрывало, принялся бесцеремонно обшаривать его одежду. Из внутреннего отделения пиджака он выудил кожаное портмоне, насквозь пробитое острым предметом. Бумажник был совершенно пуст и залит изнутри кровью. Ничего другого отыскать не удалось.

– Завтра, Антон Филаретович, к девяти часам не забудьте мне представить опись имущества погибшего, – недовольно бросил начальник сыска и вышел в коридор. Помощник услужливо кивнул и засеменял по деревянным ступенькам вниз – туда, где располагалась комната убиенного. За ним потянулся следователь в сопровождении Сироткина. А доктор Наливайко с чувством выполненного долга вслед за Поляничко направился к пролетке. Комната опустела.

Глава 3

Полуденный гость

Воскресенье было любимым днем Клима Пантелеевича Ардашева. После посещения Успенской церкви он предавался любимому занятию – чтению. В отличие от большинства людей присяжный поверенный читал книги на языке оригинала. Библиотека насчитывала множество раритетов и представляла собой истинный предмет гордости хозяина. Ему, как настоящему книголюбу, каждый том виделся не просто сотней-другой страниц в кожаном или коленкоровом переплете, а десятками лиц их авторов, давно покинувших грешную землю.

Зачастую Клим Пантелеевич не мог даже предположить, какой фолиант заинтересует его на этот раз. Все зависело от настроения или даже от случайности. Вот и сейчас рука потянулась к дальней полке, где стояли труды де-Романи, Казиского, Флейснера, Монтага, Монфорта и Клюбера, посвященные загадкам шифрованного письма.

Открыв старейшее сочинение Клюбера по криптографии, изданное в Тюбингене еще в 1809 году, Ардашев обнаружил одно занимательное пояснение:

«Основную массу встречающихся в практике шифров чаще всего можно разделить на два разряда. Это, прежде всего, цельные коды, где буквы заменены цифрами, и смешанные, в которых закодирована лишь часть, а остальные пишутся как обычно. При дешифровании следует учитывать, какие именно буквы чаще всего используются в данном языке. Следовательно, цифры и знаки, наиболее повторяющиеся в кодированном письме, будут соответствовать самым употребительным буквам. Этот способ (*methode de la frequence*) применим, если шифрованный текст достаточно длинный. Для разгадывания всего нескольких слов он непригоден. В таких случаях надобно искать самые короткие варианты лексических единиц: местоимения, союзы и предлоги. Неоценимую помощь может оказать и начальное слово. Так, например, многие письма начинаются словами: «милый», «дорогой» и проч. Убедившись, что количество цифр совпадает с числом букв, нужно всего лишь заменить каждую цифру соответствующей ей буквой. В случае успеха следует и дальше поступать аналогичным образом».

Из передней послышалось негодование горничной и незнакомый мужской голос. Адвокат с сожалением отложил «*La cryptographie devoilee*» и вышел из комнаты.

– Вот, Клим Пантелеевич, я уже в который раз объясняю этому господину, что по воскресеньям вы не работаете, а он все равно желает вас видеть, – обиженно оправдывалась Варвара.

– Простите великодушно, уважаемый Клим Пантелеевич, но только события неотложной надобности заставили меня потревожить вас в этот тихий воскресный день. Я был бы вам крайне признателен, если бы вы сооблаговостили уделить мне несколько минут, – прижимая к груди котелок, незнакомец почтительно склонил голову.

– Ну, хорошо, проходите, – без особого энтузиазма согласился Ардашев.

Человек, вошедший в кабинет адвоката, был среднего роста, лет сорока трех и самой что ни на есть обычной купеческой наружности (то есть облика современного цивилизованного коммерсанта, а не вымершего лет пятьдесят назад вида купчишки в картузе, армяке, юфтевых сапогах и с густой бородой-лопатой). Синий сьют, галстук, белоснежная сорочка и лаковые туфли свидетельствовали о неплохом вкусе. Волосы посетителя были заметно напомажены и аккуратно зачесаны назад. Выделялись открытый широкий лоб и густые брови, под которыми прятались умные карие глаза. Прямой нос был слегка испорчен широкими ноздрями, но аккуратные усы почти скрывали этот природный недостаток. Правильные очертания ухоженной бороды добавляли внешности господина оттенок интеллигентности. Солидный золотой перстень, украшенный черным агатом, и массивная золотая цепочка часов выдавали в нем человека состоятельного. Расположившись в кресле напротив присяжного поверенного, незнакомец заговорил:

– Еще раз прошу извинить меня, уважаемый Клим Пантелеевич, что я потревожил вас в выходной день. Но обратиться к вам меня заставило горе, постигшее мою семью в четверг. Не доводилось ли вам слышать об убийстве на Мещанской?

– Разумеется. Об этом писали все местные газеты.

– Позвольте отрекомендоваться – Афанасий Пантелеймонович Пустоселов – тот самый купец, в доме которого и произошло злодейство.

– Не думал, что мне придется столкнуться с этим делом. Так что же вы от меня хотите?

– Я просил бы вас найти душегуба, лишившего жизни нашего верного слугу – Савелия Лукича Русанова.

– Насколько мне известно, поиском преступника занимается сыскное отделение. У них для этого есть все возможности. Так что мне кажется, уважаемый Афанасий Пантелеймонович, вы обратились не совсем по адресу.

– Вы правы. Власти расследуют это преступление, но как-то своеобразно...

– Что вы хотите этим сказать?

– В пятницу меня вызвали в участок и стали допытываться, где я находился в день убийства примерно в час пополудни. А кроме того, они испачкали мне все руки, – купец перевернул ладони – на подушечках пальцев еще виднелись бледные следы дактилоскопической мастики, – а потом дали пузырек с бензином и выпроводили за дверь, порекомендовав как можно быстрее оттереть эти чернила. Да бог с ними! Разве в этом дело? Понимаете, Клим Пантелеевич, они осмотрели всю комнату, но, кроме отпечатков Савелия и моих, так ничего и не нашли. Но скажите, разве я виноват, что преступник не оставил после себя следов? Но это еще не все... Не успел я воротиться домой, как ко мне явилась целая полицейская депутация: мерзкий коротышка с потертой медалькой на лацкане сюртука, долговязый дознаватель, похожий на гимназиста-переростка, и неотесанный городской. Знаете, – Пустоселов оглядел полки с книгами, – у меня примерно такой же кабинет, как и у вас, да и книг, пожалуй, не меньше. И вот вся эта троица перевернула библиотеку вверх дном! Они осмотрели все ящики и даже кладовую якобы с целью обнаружения орудия преступления, то есть ножа, которым убили Савелия. Да разве я не понимаю, что они фактически проводили у меня обыск? Понятное дело – ничего не нашли, но мне стало совершенно ясно – в убийстве они подозревают именно меня. Подумать только! Какая глупость! Убить любимого повара и украсть собственные деньги! Я слышал, что вы защищаете только тех, кто безвинно пострадал от полицейского произвола, и к тому же всегда отыскиваете истинного злодея. Так стоит ли дожидаться, когда они свалят на меня чью-то вину? – гость выжидательно посмотрел на хозяина.

– Видите ли, присяжный поверенный оттого так и называется, что участвует исключительно в судебных заседаниях. Он не имеет права вмешиваться в ход расследования дела, которое проходит под руководством судебного следователя и его первых помощников – полицейских чинов сыскного отделения. Вполне вероятно, что в будущем полномочия адвоката расширят, но сейчас, к сожалению, я ничем не могу вам помочь.

– Получается, я должен сидеть и ждать, пока меня закуют в кандалы? – негодуяще воскликнул негоциант. – Но я готов сполна оплатить ваши услуги по поиску убийцы. Назовите только сумму!

– Поймите, я не могу брать деньги за расследование. Россия – не Соединенные Северо-Американские Штаты, где сплошь и рядом орудуют частные сыскные агентства. Наш закон этого не позволяет. Что касается оплаты, то обычно клиент несет расходы за мою работу в качестве защитника, а преступника я отыскиваю уже в рамках этого поручения. А вас пока допрашивали как свидетеля. По поводу отпечатков тоже не стоит волноваться. В данном случае они просто обязаны были их у вас отобрать. Таковы правила сыска.

– Выходит, Клим Пантелеевич, вы отказываетесь мне помочь? – Пустоселов обреченно поник.

– Скажем так: я готов оказать вам консультационную помощь. И это, заметьте, я сделаю совершенно бесплатно, что в свою очередь освобождает меня от каких-либо обязательств перед вами. К тому же весьма скоро я собираюсь отправиться на отдых. Но если полиция все-таки предъявит вам обвинение в предумышленном смертоубийстве – тогда мы снова вернемся к нашему разговору и обсудим стоимость моих услуг. Договорились?

– Премного вам благодарен!

– Вот и чудесно. А теперь расскажите, пожалуйста, все, что вам известно о поваре: откуда он и как давно вы его знаете? Да и вообще, что это был за человек?

– Боюсь, это отнимет у вас много времени, но если позволите? – Адвокат согласно кивнул. – Савелию Лукичу на днях исполнилось бы шестьдесят лет, и мы с нетерпением ждали этого юбилея. Дети готовили подарки, а моя жена своими руками вышила ему рубаху. Я помню его с малых лет. Он всегда служил у нас и жительствовавал в нашем доме задолго до моего рождения. А если точнее, то еще его дед обучал моего отца иностранным языкам.

– Позвольте, а когда же это было? – Ардашев удивленно поднял брови.

– Так ведь я у родителей – поздний ребенок. Папаше моему почти сорок стукнуло, когда я на свет появился. А в 1834 году, едва родителю моему исполнилось семь лет, мой дед, вышедший из крепостных, стал искать настоящих знатоков английского и французского языков. Это ведь сейчас наш город большой и красивый, а представьте, как он выглядел во времена

Лермонтова? Какие там иностранцы?! Тогда в гимназии лишь псалтырь читали да часослов зубрили – вот и вся наука. Но добрые люди поведали деду, что некоторое время назад появился в Ставрополе уже немолодой мореплаватель, кой свободно изъяснялся на множестве языков. Дед попервоначально их на смех поднял. Ну, откуда в степном крае мореходы, если до ближайшего моря почти шестьсот верст? Но оказалось, что это действительно так. В общем, нашел он того человека. Звали его Капитон Русанов. О себе он почти ничего не рассказывал. Но сразу, как здесь очутился, – посватался к юной казачке, через год родившей ему сына – Луку. Только счастливая жизнь у них недолго продолжалась – через два года скончалась его супружница от водянки. Одним словом – расстройство несусветное. Но жизнь идет своим чередом, и стал бывший моряк этот отцу моему уроки английского языка давать. Да и с дедом они характерами сошлись; вот он и предложил Капитону Ерофеевичу у нас поселиться. А тот с радостью согласился. Да-с... – Купец замолчал на миг и улыбнулся. – Папаша рассказывал, что как только Лука мазанку себе отстроил, так сразу и посватался к нашей горничной. Первенец у них появился – Савелием назвали. Но не сподобилось им долго вместе пожить – во время родов его жена померла. Лука запил, и той зимой его, околевшего, подобрали в сугробе рядом с трактиром. Погоревали, поплакали... Савушку мой родитель приютил, ведь к тому времени Капитон Ерофеевич был уже слишком стар, чтобы самому за внуком приглядывать. Старик этот прожил долгую жизнь – всего шесть годков до ста не дотянул, а умер легко – во сне. А внук его все эти годы у нас обретался, – рассказчик тяжело вздохнул, – пока в прошлый четверг злодейская рука его путь не оборвала. – Он поднял на адвоката извинительный взгляд. – Мне, право, неловко, уважаемый Клим Пантелеевич, что я отнимаю у вас столько времени.

– Да нет, не беспокойтесь... К тому же история занятная, почти как у Дюма. Скажите, а сегодня ваша скобяная лавка открыта?

– Разумеется. Все мои магазины работают без выходных. А что? – насторожился Пустоселов.

– Признаться, вы меня заинтриговали. Что ж, давайте прогуляемся. Я, пожалуй, осмотрю ваш дом. – Ардашев поднялся и вместе с гостем направился в коридор. В этот момент чуть слышно скрипнула дверь спальни, и оттуда выглянуло очаровательное и слегка грустное лицо Вероники Альбертовны. Взглядом она попросила супруга подойти.

- Надеюсь, милый, ты не забыл, что нам предстоит отправиться в путешествие?

- Ну что ты! Мы же договорились.

- Вот поэтому я прошу тебя не брать новых дел. Обещаешь? - на Ардашева смотрели полные мольбы глаза.

- Не тревожься, дорогая. Я не собираюсь никуда ввязываться... Поверь, это всего лишь небольшой променад по Николаевскому.

- Да-да, - она горько улыбнулась, - все твои самые опасные расследования начинались с визитов странных посетителей в неурочный час, невинных прогулок и ошибочных телефонных звонков. Не забудь - ты дал мне честное слово, что через месяц мы отправимся в круиз.

- Даже не сомневайся... Извини, неудобно так долго держать гостя одного, - нежно поцеловав жену, Клим Пантелеевич прихватил в передней трость и поспешил за негодником.

Глава 4

Беглый

Пустоселов оказался прав. Книг в его библиотеке действительно было немало, но в основном наличествовала современная беллетристика да старые церковные молитвословы. Зато в справочной, иностранной и юридической литературе Клим Пантелеевич имел несомненные преимущества. И понимание сего факта приятно грело душу присяжного поверенного.

Осмотр кабинета убедил Ардашева в правильности первоначальной версии - забраться в открытое окно по широкому каменному парапету большого труда не составляло. Это мог сделать кто угодно, и потому надежды на отыскание злодея становились все более призрачными.

Поломанный деревянный ящик стола уже починили и вставили новый замок, добросовестно уничтожив следы взлома. Массивные дубовые шкафы, наполненные сотнями фолиантов, казались заколдованными великанами, застывшими на месте по прихоти какой-то злой волшебницы. Солнечный луч, протиснувшийся сквозь неплотно задернутые портьеры, чертил на паркете зигзаги и ненароком высветил едва заметную прямоугольную вмятину у нижнего края шкафа. Рядом с книгами мирно соседствовали легкомысленные средневековые фарфоровые пастушки – неприметный атрибут гостиных прошлого века.

Повернувшись к хозяину, адвокат спросил:

– Скажите, а перестановку в кабинете вы давно делали?

– Уже, дай бог памяти, лет восемь.

– А во время нападения мебель не пострадала?

– Нет, все осталось в целости и покоилось на своих местах, за исключением одного перевернутого стула и брошенного ящика письменного стола.

– А паркет давно натирали?

– Точно не могу сказать. Обычно полотеров вызывал Савелий. Он же с ними и расплачивался.

– Выходит, по крайней мере, с четверга и по сегодняшний день его не вощили?

– Нет. Да разве до того было? – недовольно буркнул Пустоселов. – Вы уж не обессудьте за беспорядок. Завтра все заблестит. Ну что, теперь посмотрим, как жил Савелий?

– Не мешало бы...

Дверь в комнату повара находилась под лестницей. Еще с порога стало понятно, что бывший жилец слыл человеком равнодушным к морю и путешествиям. На стенах висели репродукции картин русских художников-маринистов:

Айвазовского, Боголюбова, Круговихина и Блинова.

Помещение было хоть и небольшим, зато довольно уютным, несмотря на спартанскую обстановку: стол, пара табуретов, ветхозаветное деревянное кресло и топчан; в углу – небольшая полочка с книгами: «История полковника Жака» Даниеля Дефо, «Путешествие Гулливера» Джонатана Свифта, «Таинственный остров» Роберта Стивенсона. Рядом с ними – стопка старых, покрытых пылью журналов «Вокруг света». Некоторые обложки пожелтели от времени. Да это и неудивительно, первый номер популярного географического издания вышел еще в 1861 году. Клим Пантелеевич просмотрел содержание всех экземпляров.

– А покойник, я вижу, был большой любитель дальних странствий.

– Да, только моряком ему не суждено было стать. Когда-то Савелий Лукич пробовал устроиться корабельным коком, но не выдержал первого перехода – морская болезнь замучила. Вернулся к нам, чему все были очень рады. Повар-то он был отменный. Царство ему Небесное, – трижды перекрестился Пустоселов. – Что ж, пожалуй, осмотрим лавку?

Ардашев кивнул.

Купец, выйдя первым из комнаты, стал отпирать навесной замок, оберегавший малоприметную дверь напротив. Несмазанный запорный механизм заедал, длинный ключ никак не хотел проворачиваться, и Климу Пантелеевичу ничего не оставалось, как задержаться в комнате. Окинув глазами холостяцкую берлогу еще раз, он обратил внимание на валявшуюся у самой печи свернутую в несколько раз газету, которую, видимо, хотели использовать для розжига, да передумали – весна в этом году пришла рано и была на удивление теплой. Он развернул ее: «Ставропольские губернские ведомости» трехдневной давности. Обычных карандашных почтовых пометок на ней не было. «Значит, купили на улице у разносчика», – машинально отметил про себя присяжный поверенный. Он сунул газету в боковой карман и выглянул в коридорчик – хозяин как раз «победил» замок и распахнул дверь. За ней открылось внутреннее помещение магазина. Перед глазами вырос прилавок и опешивший от неожиданности приказчик со смоляными, слипшимися от грязи волосами. На вид ему было лет тридцать пять. Высокий и тощий, как колодезный журавль, он смерил вошедших недобрым взглядом черных, глубоко посаженных глаз.

– Что, Федя, идет торговля? – мимоходом поинтересовался хозяин.

– Грех признаться, Афанасий Пантелеймонович, но народ до сих пор приходит поглазеть на место убийства Лукича. Нет-нет да и купят чего-нибудь. А особенно в прошлый четверг – разобрали весь товар. Как говорится, плоха та буря, что не приносит чужого добра.

– Не кощунствуй, Федька, господь накажет, – нравоучительно заметил Пустоселов.

– А он меня и так не особенно жалует, – усмехнулся мужчина.

– Не могли бы вы припомнить во всех подробностях, что происходило в вашей лавке в день убийства? Какие покупатели заходили, о чем говорили и кого вы заметили на улице?

– Да все было как обычно. Продал я несколько дверных петель, щеколду, пару шпингалетов да ведра два гвоздей. В основном заглядывали строители из плотницкой артели. Они часто к нам наведываются. Ближе к обеду я услышал наверху какой-то шум, вроде как кто-то танцует или мебель двигает. Ну, думаю, наверное, Лукич уборку затеял. А потом Афанасий Пантелеймонович стал звать городского...

Ардашев приблизился к приказчику.

– Я заметил, что вы курите. Но в магазине табаком не пахнет. Следовательно, вы дымите на улице. А может, когда выходили, то обратили внимание на кого-нибудь?

Мужчина тревожно забегал глазами и, слегка поколебавшись, заявил:

– Покорнейше прошу не гневаться, господин полицейский, но третьего дня меня об этом уже расспрашивали и пальцы чернильной патокой мазали... и я как на исповеди все доподлинно рассказал. Так чего же опять вам от меня надоть?

– Ты, Федя, не прекословь! Сказано отвечать на вопросы – так будь добр! Да ради того, чтобы злыдня поскорее отыскать, можно и сто раз как «Отче наш»

повторить! К тому же господин Ардашев не полицейский, а адвокат. И пожаловал он сюда по моей просьбе. Уразумел?

– Да разве ж я против, Афанасий Пантелеймонович? Ежели б упомянул, так неужто не сказал бы? – голос у Федота дрогнул, и Ардашев заметил, как мелко задрожали его руки. Пытаясь скрыть волнение, он убрал их в карманы брюк.

Находясь по другую сторону от прилавка, Клим Пантелеевич опустил вниз трость и начал незаметно выкручивать длинный клинок, неторопливо высвобождая его из своеобразных ножен. В то же самое время он не сводил глаз с мужчины, который медленно пятился к выходу. И в тот самый момент, когда последнему оставалось до двери не более трех шагов, Ардашев резко перемахнул через прилавок и в одно мгновение оказался рядом с беглецом. Острый конец кинжала уперся прямо в центр шеи приказчика. Беспомощно задержался кадык, и Федор, стукнув в отчаянии кулаками о стену, процедил сквозь гнилые зубы:

– То-то ко мне матушка покойница во сне давеча являлась... Видать, беду отвести хотела...

Пустоселов с открытым ртом и выпученными от удивления глазами был не в силах вымолвить ни слова.

– Афанасий Пантелеймонович, не откажите в любезности, пригласите городского. Он стоит на углу Мещанской и Архиерейского переулка. А еще лучше – позвоните в сыскное отделение, – ледяным голосом выговорил Клим Пантелеевич. Дождавшись, когда ошалевший купец покинет лавку, присяжный поверенный приказал: – А сейчас вы медленно, опираясь спиной о стену, начнете сползать на пол, затем поднимете руки вверх и ляжете на спину, после чего заведете руки назад и резко перевернетесь на живот. Понятно? – адвокат снова надавил на клинок, и на шее соперника выступила кровь.

– Да, – хрипло ответил тот.

– Итак, начали...

Прибывшим через несколько минут полицейским и Пустоселову открылась удивительная по своей идиллии картина: в углу, облокотившись на стену, со

связанными за спиной руками и стянутыми накрепко ногами сидел приказчик. Рядом с ним на стуле восседал присяжный поверенный Ардашев и собственноручно угощал пленника леденцами из коробочки с надписью «Георг Ландрин».

– Вот уж не ожидал, Клим Пантелеевич, что снова вместе поработаем! – начальник сыскного отделения спустился по ступенькам и протянул руку. – Рад видеть вас в добром здравии!

– Благодарю, Ефим Андреевич, и на здоровье пока не сетую, чего и вам искренне желаю, – улыбнулся Ардашев, ответив на рукопожатие.

– Силушки вам, вижу, не занимать, – старый сыщик перевел взгляд на Каширина, – смотри и учись, Антон Филаретович! Такого длинного гуся спеленать не каждому по плечу!

– Хотелось бы знать, что здесь произошло и на каком основании господин присяжный поверенный позволил себе произвести задержание...

– Вот-вот, – робко вставил слово приказчик. – Федотом меня кличут.

– А это мы сейчас выясним, кто ты, – перебил связанного мужчину Поляничко и обратился к адвокату: – Внимательно слушаем вас, Клим Пантелеевич.

– Насколько я понял, Ефим Андреевич, в связи с убийством, свершившимся в этом доме в прошлый четверг, вы уже отбирали дактилоскопические отпечатки у этого господина, так?

– Сразу же взяли, но таковые в нашей картотеке не значатся, – пояснил Поляничко.

– А по антропометрическим карточкам вы его проверяли?

– Это должен был сделать мой помощник, – Поляничко повернулся к Каширину: – Ну, Антон Филаретович, что скажешь?

– Так если по отпечаткам все в порядке, зачем же другими измерениями заниматься? – пожал плечами коллежский секретарь и отступил на шаг, будто предчувствуя скорый начальственный разнос.

– Позволю с вами не согласиться, – поигрывая круглой ручкой трости, проговорил Ардашев. – Дело в том, господа, что у арестантов от долгого ношения кандалов сильно меняется походка. И каторжанин, как моряк или кавалерист, имеет специфические особенности ходьбы. У него, например, короткий шаг и носки развернуты наружу. Эти признаки сохраняются даже через много лет. Другой характерной чертой таких сидельцев является атрофирование мышц и сильное истончение костей на запястьях и лодыжках, сиречь тех местах, куда обычно одеваются оковы. Ведь даже в бане кандалы не снимаются, и рубаха продергивается между телом и железом. А чтобы металл не натирал кожу и не рвал робу, под кованые манжеты обычно вставляют кусочки сыромятного ремня – своего рода прокладки. От всего этого и происходит истончение костей. Походка и слишком тонкие кисти рук приказчика, его повышенная нервозность во время моих расспросов и привели меня к заключению, что передо мною – беглый каторжник. Так что, Антон Филаретович, я не сомневаюсь, что у вас имеется его антропометрическая карточка. А что касается отпечатков пальцев, то этот способ идентификации личности в России, как вам известно, стали применять только последние три года. А этот представитель уголовного мира, видимо, давно в бегах, вот поэтому у вас и не нашлось его дактилоскопического описания. – Ардашев повернулся к Пустоселову: – Надеюсь, Афанасий Пантелеймонович, я несколько приблизил вас к разгадке убийства Савелия Русанова?

– Да-да, спасибо, – пролепетал изумленный купец.

– Желаю здравствовать, господа.

Адвокат вышел на улицу и, привычно выбрасывая вперед трость, направился в сторону Николаевского проспекта.

Едва за Климом Пантелеевичем захлопнулась дверь, Каширин тотчас же подскочил к Федоту, схватил его за ворот рубахи, развернул и, приподняв заведенные за спину руки, сорвал манжеты. От невыносимой боли беглый каторжанин вскрикнул. Убедившись в наличии заметных отметин на запястьях, полицейский пнул несчастного сапогом под дых и рыкнул:

– Федот, да не тот!

В ответ послышался сдавленный стон.

Глава 5

У южных границ империи

I

«Апреля, 24, 1777 г.

Высочайше утвержденный доклад

Астраханского, Новороссийского и Азовского

Генерал-губернатора Князя Потемкина. —

ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ЛИНИИ ОТ МОЗДОКА ДО АЗОВА.

Приняв Астраханскую Губернию в начальство мое, по Высочайше возложенной на меня доверенности, во-первых, встретили меня дальновидные на пользу края того Вашего Императорского Величества предложения, из коих переселение Волгского войска на Терек главнейшим стало быть для меня упражнением. Я, соображаясь Высочайшей Вашей воле, в письме к Г. Министру первого класса Графу Никите Ивановичу Панину изображенной, дал повеление Астраханскому Г. Губернатору Генерал-майору и Кавалеру Якоби самолично осмотреть положение границы нашей, простирающейся от Моздока до Азова, и, получа от него верное описание, осмеливаюсь к освященным стопам Вашего Императорского Величества повергнуть общее наше мнение о учреждении линии на помянутом расстоянии.

Сия линия имеет простираться от Моздока к Азовской Губернии в следующих местах, где построя новые укрепленные селения и, коим примерный план у сего

представляется, а именно: 1) на Куре, 2) на Куре ж, 3) на Цалуге, 4) на Куме, где и Командир вышеписанных укреплений квартиру свою иметь должен, 5) на Тумузлове, 6) на Байбале, 7) на Калаузе, 8) на Ташле, 9) на Егорлыке, 10) в главном укреплении от Черного леса к Дону, где квартира второй части Командиру быть должна, так как все оные на подносимой при сем карте показаны, а в приложенном описании польза и намерение каждого укрепления особенно и в сей линии вообще изображены.

Если оная линия удостоится Высочайшей Вашего Императорского Величества апробации, то осмеливаюсь на нижеследующее просить Высочайшего указа:

1. Назначенным к переселению на ту линию Волгскому войску, о котором уже и удостоился я в прошлом 776 году получить Высочайшей указ, также Хоперскому казацкому полку, имеющему селение свое в 27 верстах от Донских станиц, и, следовательно, в ненужном месте расположенному, указать перейти туда наступающею весною...

2. Царицынскую линию, которая теперь никакого уже предмета и защиты не составляет, оставить.

3. Как Бештамак к удержанию малой Кабарды есть наиудобнейшее место, за которым и леса останутся внутри линии по рекам Тереку и Малке, то и следует на сем месте быть фланговой крепости. Моздок тогда будет городом торговым, и одна из крепостей, полагаемая на Куре, уничтожится.

4. Назначенные вновь линейные укрепления наименовать как благоугодно будет. И чтоб все оные окончены были строением будущим летом...

5. Для всех линейных укреплений потребное число орудий повелеть отпустить из состоящих в Артиллерии в излишестве...

И как сими способами Кубанская степь будет преграждена, и откроются в Россию известные только дороги, то Калмыки и войско Донское для довольствия своего скота от прикрытия сего получают лучшую выгоду и безопасность, пользуясь пастыбою его и кочевьем своим до самой линии, и, следовательно, торговлю их с тамошним народом и пошлинный сбор к пользе Государства умножиться может...

Оная линия прикрывает от набегов соседних границу между Астрахани и Дона, кочевье наших Калмык и Татар подает им способ распространяться до самого Черного леса и Егорлыка, доставляя тем лучшее пропитание, и отделит разного звания горских народов продовольствием скота и табунов их от тех мест, коими нашим подданным пользоваться следует; положением же мест своих подает способ учредить виноградные, шелковые и бумажные заводы, размножить скотоводство, табуны, сады и хлебопашество.

Она соединит Азовскую Губернию с Астраханскою, и во время войны с соседними народами может удерживать стремления их на наши земли, подкрепит действия войск наших в Крыму и в прочих местах. Сверх сего открывает способ войти в тамошние горы и жилище Осетинское, и со временем пользоваться их рудами и минералами. Возбранит тайный провоз в Россию запрещенных товаров, умножа тем доходы таможенные, которые ныне, по причине многих чрез степь открытых дорог пришли в великий упадок...

Под № 8 крепость на вершине Егорлыка, называемой Ташле; будучи первою крепостью к Черному лесу, прикрывает обще с крепостью под № 7 проход между Калаускими вершинами и Черным лесом».

«Мая 5, 1785 г.

Именной, данный Сенату указ

императрицы Екатерины II

«О СОСТАВЛЕНИИ КАВКАЗСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА

ИЗ ДВУХ ОБЛАСТЕЙ: КАВКАЗСКОЙ И АСТРАХАНСКОЙ».

«Всемиловитейше повелеваем Нашему генерал-поручику, правящему должность генерал-губернатора Саратовского и Кавказского, Потемкину, в нынешнем году исполнить по Учреждениям Нашим от 7 ноября 1775 года и в Кавказском наместничестве, составя оное из двух областей: Кавказской и Астраханской, из коих к первой принадлежать будут 6 уездов, а именно: Екатериноградский, Кизлярский, Моздокский, Георгиевский, Александровский и

Ставрополь, август 1785 года

Холодный лунный диск уже проступал на темно-сером небе, ожидая, когда остывший к вечеру солнечный шар скатится за горизонт. Его слабые лучи таяли, оставляя размытые блики на чистом золоте церковного креста. Маленькие слюдяные окошки казачьих хат затворялись ставнями, оберегая обитателей соломенных крыш от нечистой силы и непрошенных ночных гостей. Скот, загнанный в стойла, лениво жевал траву, скошенную на отлогих косогорах в верховьях Ташлы. Эта река несла свои быстрые воды не одну тысячу лет и с удивлением взирала на трудолюбие и упорство людей, совсем недавно пришедших к ее берегам. Они сеяли пшеницу, строили водяные мельницы и разбивали на склонах виноградники. Но стоило холодному ветру спуститься с гор, как к станице подкрадывался туман, а вместе с ним появлялись и ватаги разбойников. Горе тем, кто не успевал скрыться за воротами крепости! Полчища басурман сжигали хаты и церкви, вытапывали поля, убивали беззащитных стариков и детей, оставляя жизнь лишь сильным юношам и молодым девушкам, которых забирали в рабство. Но люди опять отстраивали дома, возводили храмы, закладывали сады и пасли на лугах тучные стада.

Черкесы хорошо помнили свое поражение у подножия ставропольской крепости, когда две сотни храбрых казаков из полка Кутейникова наголову разбили полуторатысячную партию Султан-Дулака. Наученные горьким опытом горцы больше не осмеливались в открытую идти на приступ цитадели. Они избрали иную тактику: мелкие партии разбойников по пять-десять человек подобно шакалам рыскали вокруг станицы, угоняя отбившийся от основного стада скот или нападая на охотников, добывавших зверя в окрестных лесах. Нередко они уводили казачек, работавших на полях.

Станица, уставшая от жаркого дня, засыпала, но в хате казачьего старшины Ерофея Русанова поселилось горе – бесследно исчез шестнадцатилетний сын Капитон. Мальчишка вышел и ростом, и умом. Несмотря на юный возраст, он мастерски владел шашкой, лихо управлялся в седле и, так же как его отец, метко стрелял на скаку. Вот потому и доверили ему жители трех улиц пасти коров вместе с отставным солдатом Панкратом Харечко.

Как выходило из объяснений старого вояки, по их общему недосмотру отбилась от стада молодая буренка. Испугался Капитон, что забредет корова в разлившуюся от лесных родников топь, и, взяв ружье, ушел в лес. А через некоторое время из чащи донеслись чужие крики, раздался выстрел, за ним – другой, третий... Панкрат побоялся бросить стадо и принялся палить в воздух из ружья. Подоспевшие из крепости казаки бросились в лес. По примятой траве они дошли до самого края болота и ужаснулись, когда поняли, что произошло: убив одного из разбойников и расстреляв весь запас зарядов, юноша повел супостатов к «трясинным окнам». Наездники этого не заметили и с ходу попали в жидкую, смертельную кашу. Всадники теснили друг друга, стараясь выбраться, но еще глубже проваливались в болотную прорву. Двое из воровской партии нашли здесь бесславный конец. У старого дуба, на примятой траве, остались капли уже подсохшей крови супостатов, а немного поодаль – сорванный с шеи Капитона крестик. Значит, смельчак не утонул, а скорее всего, попал в плен. Стемнело, и погоня ничего не дала.

III

Капитон очнулся. Тупая, давящая боль камнем навалилась на грудь. Он прокашлялся и попытался открыть глаза, но веки, распухшие от ударов, отказывались повиноваться. Голова гудела как церковный колокол; во рту чувствовался солоноватый привкус крови. Сквозь узкие щелки глаз он увидел перед собой черкеса в бараньей шапке. Абрек вытащил откуда-то сыромятный ремешок из трех помочей, коим обычно горцы стреножат своих лошадей, перевернул парня на бок, крепко связал ему руки за спиной и слегка приподнял, давая понять, что надо встать. Разбойник запрыгнул на лошадь; два его спутника посадили Капитона сзади и ремнем притянули к всаднику, чтобы пленник не свалился с седла. Кроме сына казачьего старшины, они схватили юную девушку и ее семилетнего брата, отправившегося без разрешения родителей в лес за ежевикой. Сестра кинулась на его поиски и тоже попала в руки басурман.

Всю ночь они ехали по полям, обходя почтовый тракт и пикеты. К утру, когда восход потушил звезды, партия позволила себе остановиться и дать лошадям кратковременный отдых.

Несмотря на выстроенные на правом берегу Кубани станицы и невзирая на устроенные между ними посты и разъезды, черкесы научились проникать вглубь

территории кавказской области. Это происходило главным образом благодаря помощи родственных племен абазехов, сапсугов и натухайцев, объявивших русским войскам газават – священную войну против иноверцев. Абреки, величавшие себя «гаджерет», проводили мимо пограничных дозоров группы разбойников, именуемых партиями.

Их экипировка позволяла совершать ночные вылазки без лишнего шума. Горское седло никогда не натирало лошади спину, независимо от пройденного пути. Винтовка покоилась в бурочном чехле, расположенном за спиной таким образом, что быстро выхватить ружье не составляло труда. Джигит легко перезаряжал оружие на скаку и вел огонь. Его шашка, острая как бритва, предназначалась только для удара. Деревянные ножны были обтянуты сафьяном. Каждый наездник имел и дополнительное вооружение – два пистолета за поясом и широкий, часто отделанный серебром кинжал. Патроны хранились в кожаных гнездах на груди. На поясе – сумка с приспособлениями для чистки ружья.

Капитон обратил внимание на то, с какой любовью относились черкесы к лошадям. Они не били их ногайками, а погоняли щелчками тоненькой плети с кожаной лопаточкой на конце. Юноша припомнил рассказ отца о том, как воевали горцы: на неприятеля наездник обычно скакал с нагайкой в руке и лишь за двадцать-тридцать шагов выхватывал ружье и делал выстрел, затем бросал его через плечо и, вытащив шашку, рубился лихо, поворачив лошадь назад, перезаряжал оружие на скаку и снова стрелял. Черкесы никогда не сдавались врагу. Зачастую, видя безвыходность положения, они убивали своих преданных лошадей, залегали за ними с винтовкой на присошках (палочках из прочного дерева) и отстреливались до последнего патрона. Когда порох заканчивался, горец ломал ружье и шашку и, оставшись с одним кинжалом, бросался в последнюю атаку, стремясь погибнуть в бою. Казаки абреков в плен обычно не брали, как, впрочем, и они казаков.

Старшим в партии был Джамал – тот самый, что стягивал руки Капитону. Весь день они крались узкими балками и пережидали проход казачьих разъездов в поросших кустарником ложбинах и редких рощицах. Как только появлялся казачий патруль, Джамал приказывал всем спуститься в низину вместе с лошадьми. Он прикладывал палец к губам и проводил ладонью по горлу, давая понять, что ждет пленников, если они начнут звать на помощь. Судя по его недовольному лицу, он был очень раздосадован этим набегом. Капитон застрелил одного и утопил в жидкой трясине еще двух наездников. Потерять стольких верных джигитов из-за одного мальчишки – непростительная

оплошность, а по правде говоря, стыд и срам для такого опытного воина, каким был Джамал.

От вонючей спины всадника тошнило, а руки, заведенные назад, будто вывернутые на дыбе, совсем затекли. Русанову казалось, что он чувствует каждую ноющую косточку и каждый ломающий нестерпимой болью хрящик. Разбитые губы потрескались от жажды, а язык будто прилип к небу. Когда становилось совсем невыносимо и хотелось взвыть от боли, он вспоминал отца, его мужественное и спокойное лицо и тотчас же наполнялся отвагой и терпением: парень расправлял грудь и пробовал шевелить пальцами. На некоторое время это приносило облегчение. Капитон старался запомнить дорогу, примечая все, что могло ему в этом помочь: сожженный молнией ствол одинокого дуба, огромный валун у подножия кургана или волчью нору на каменистом склоне отлогой возвышенности.

Впереди него вместе с сестрой ехал Семен – маленький любитель лесных ягод. Устав плакать, он размазывал по грязному лицу слезы и крутил головой во все стороны, рассматривая пробегающих мимо еще не пуганных молодых зайцев и лисиц. Любаша, так мальчик называл сестру, все время гладила брата по голове и, как могла, успокаивала, едва сдерживаясь, чтобы самой не разрыдаться.

Через Кубань партия переправлялась ночью, потому что днем берег реки охранялся цепью казаков, выставленных по окрестным курганам. Когда опасный участок пути был пройден, Джамал разрешил сделать кратковременный привал. Он достал из висевшей на поясе кожаной сумки кресало (служащее также отверткой), кремь и трут. Из деревянного патрона, вставленного на груди, он вытащил серную нить и кусок смолистого дерева. Рукоять плети и конец шашки у горца всегда обмотаны вощенной бумажной материей, позволяющей делать из нее свечу. Развели огонь. Капитона, как и остальных, ссадили с лошади, освободили руки, но, спутав ноги, оставили греться у костра. Ужин пленников и их похитителей состоял из сухого чурека и нескольких глотков воды из тулука – емкости, сшитой из козьей шкуры. Выставив одного караульного, Джамал завернулся в бурку и заснул.

С первыми лучами солнца партия вновь тронулась в путь. Постепенно холмы стали сменяться горами с зарослями красного шиповника, боярышника и тамариска, окруженного зелеными пятнами каперсов – любимого прибежища змей. Между серыми расщелинами мелькали чешуйчатые спины агам – гигантских ящериц, живущих в скалах. На нагретых солнцем камнях застыли

фаланги и скорпионы. С невысокого отлогого обрыва пытался взмыть в небо молодой орел, но, несмотря на частые взмахи крыльев, безуспешно планировал вниз. Когда солнце отправилось на покой, черкесы остановились на ночлег. Они дали Капитону бронзовый котелок, воды и немного проса. На разведенном костре он сварил похлебку, которая стала для пленников единственной пищей за целые сутки. Постелью для них был нарубленный тамариск, а вместо одеяла – тлеющий костер. На черном, как фартук кузнеца, небе вспыхнули звезды, и горы покорно заснули под властью тьмы.

Весь следующий день они безостановочно шли вперед, и теперь дорога уже лежала по непроходимому вековому горному лесу. Дуб, клен, вяз и карагач царствовали здесь и казались нетронутыми от самого сотворения мира. Подъемы становились теперь много круче, а каменистые ущелья все больше напоминали бутылочные горловины. Ступив на родную каменистую почву, разбойники стали чувствовать себя значительно свободней и переговаривались друг с другом уже не шепотом, а вполголоса. Но, несмотря на это, они не теряли бдительности и, завидев испуганных кем-то птиц, останавливались, провожая их внимательным взглядом. Жители скалистых вершин запросто определяли по полету и поведению пернатых приближение человека или зверя. Выросшие среди девственных лесов, они легко читали природную книгу своего края. Поднявшись по извилистой тропе на небольшую лужайку, первый из черкесов сделал знак рукой, показывая остальным, что надо остановиться. Прямо перед ними у водопада пасся адомбей – зубр огромной величины. Опытный охотник уже вскинул ружье, но Джамал остановил его. Видимо, он не хотел, чтобы выстрел, усиленный горным эхом, привлек ненужное внимание. Огромный бык повернулся, посмотрел на людей и величественно проследовал в лесную чащу. Это подтверждало догадку Русанова, что черкесы идут по территории другого племени.

На исходе дня партия вошла в горный аул. О его приближении говорил рваный лай чабанских собак. Минуя старое мусульманское кладбище, они вошли в селение. Все время, пока их вели по дороге, за ними бежала стайка галдящих мальчишек, возвещавших своим криком, что ведут русских. Вскоре стало понятно, что пленников хотят разлучить.

Перед тем как расстаться, девушка взяла Капитона за руку и, проглотив слезу, почти безгласно вымолвила:

– Не бросай Семена. Помоги ему, если сможешь.

– Я все равно отомщу им, – успел крикнуть юноша и почувствовал, как в груди бешено заколотилось сердце, будто в сети птицелова угодила горлинка.

Любу куда-то увели, а Капитону развязали руки и закрыли в одном сарае вместе с мальчиком. Потеряв из вида сестру, Семен беспрерывно плакал, и никакие уговоры на него не действовали.

Взвизгнула дощатая дверь, и девочка лет десяти, облаченная в горский наряд, поставила у самого порога медный кувшин и два куска лепешки на досточке. Изголодавшийся за длинную дорогу ребенок быстро съел свою долю и с завистью смотрел, как его старший друг растягивает удовольствие. Не в силах выдержать взгляд малыша, Капитон отдал ему чурек. Наевшись, маленький пленник свернулся калачиком и уснул на кукурузной соломе.

Через щель рассохшихся досок сын казачьего старшины увидел, как в сарай, в котором закрыли девушку, вошла похожая на злую ведьму старуха.

IV

Рассматривая черкесское подворье, пленный юноша заметил, что оно разительно отличалось от казачьего. Его занимали три небольшие сакли: общий дом, жилище для женщин и кунацкая – для гостей. Тут же располагались легкие загоны для скота из высоких жердей. Каменистая почва – своеобразная природная плитка – покрывала площадку перед входом. Несмотря на дождь, грязи вокруг не было.

С раннего утра надрывно лаяли чабанские псы, и стало ясно, что прибыли какие-то знатные гости. Русанов снова приник к двери и увидел, как из другого сарая вывели Любу. Рядом с нею стояла все та же мерзкая бабка с крючковатым носом. Джамал что-то говорил вполголоса, а старуха часто кивала головой. Двое незнакомых мужчин обступили девушку. Главным среди них был толстый бородатый турок в красной куртке, в шароварах, тюрбане, с выпученными лягушачьими глазами, одутловатым лицом и бородавками, рассыпанными по всему носу и очень напоминавшими разжиревших мух. Казалось, что сам Аллах наказал его уродливой внешностью за прегрешения предков. Он ходил вокруг пленницы, качал головой, цокал языком, вскидывая иногда руки к небу. И без переводчика было понятно – приехали перекупщики за «живым товаром».

Басурманский толмач по-русски изъяснялся без акцента. Он задавал казачке какие-то вопросы, после которых девушка стыдливо опускала глаза и заливалась густой краской. Прислушавшись, Капитон понял, что речь идет о ее девственности. Судя по всему, бабка по приказанию Джамала накануне лично убедилась в ее невинности и потому цена пленницы сегодня утром значительно увеличилась, отчего возмущению турка не было предела. Он тряс перед глазами горца каким-то свитком. Как выяснилось, это был специальный патент, выданный ему великим визирем. Айдын-бей – так звали чужестранца – давно промышлял в черкесских аулах, покупая красавиц для гаремов. Юные черкешенки и казачки – самый желанный товар для торговца красотой. И если русские попадали в одалиски насильно, то черкешенки по собственной воле соглашались стать многочисленными женами высокочтимых вельмож блистательной Порты. И в этом они не видели ничего постыдного. Турки и черкесы – единоверцы и союзники против кровного врага – России. По мусульманским обычаям девушка выдается замуж за калым, то есть выкуп, выплачиваемый ее отцу или тому человеку, который ее воспитывал. Именно поэтому многие из черкешенок сами мечтали избавиться от ужасающей бедности и пожить в роскоши, попав если уж не в сераль самого султана, то хотя бы в покои великого визиря или гарем состоятельного паши, где им без особого труда удавалось занимать привилегированное положение. Продавать черкесы могли только пленниц, да и то – покупателям-мусульманам. Представить, что горец отдаст черкешенку «гяурам», было невозможно. Известны случаи, когда абреки убивали землячек, боясь, что они окажутся в руках презренных «свиноедов» и тем самым будут осквернены.

Другим желанным товаром для развращенных последователей Магомета были красивые мальчики. Их принудительно оскотляли, и только после этого они становились товаром. На рынках такие рабы стоили уже вдвое дороже обычных, ведь столь болезненные операции могли перенести далеко не все. Выжившие переходили в разряд гаремных евнухов. Часть детей предназначалась для противоестественных плотских утех и содержалась в домах великосветских вельмож не только в Турции, но и в Египте, Алжире и Марокко. И лишь небольшое количество малышей отдавалось в знатные турецкие семьи, где они принимали ислам и получали духовное образование. Многие из них становились потом довольно известными государственными и религиозными деятелями, но таких примеров было очень мало.

Торг тем временем продолжался, и вскоре из сарая вывели Капитона и Семена. Завидев сестру, мальчик кинулся к ней. Люба прижала братишку к себе и

разрыдалась. Недовольный женскими слезами Джамал что-то крикнул старухе, и та, схватив ребенка, увела его. Указав на Капитона, черкес стал о чем-то рассказывать турку, и тот оценивающе, будто выбирая жеребца, начал разглядывать юного казака. Он хотел потрогать его мускулы, но встретился с таким уничтожающим взглядом, что тотчас же отдернул руку назад, словно боясь обжечься.

– Шейтан! – вскричал Айдын-бей и разразился длинной тирадой. К Русанову приблизился переводчик:

– Мой господин считает, что в тебе поселился дьявол и ты готов прикончить любого из нас при первой же возможности... поэтому тебя проще убить, чем везти на невольничий рынок в Анапу. К тому же, как сказал твой хозяин, ты уже отправил к Аллаху трех его джигитов... Если бы ты родился в горах, то с тебя мог бы получиться хороший абрек! Но послушай, парень, мой тебе совет, – заговорил бородатый толмач благожелательным тоном, – прими ислам, и тогда ты не только сохранишь жизнь, но и заживешь безбедно... В Египте набирают гвардию в отряды мамлюков. Там нужны крепкие юноши. Соглашайся, я ведь тебе добра желаю!

– А ты из наших? – Капитон уставился на доброжелателя и, не получив ответа, добавил: – Поступил лопух на службу к заднице... ну и как? Нравится?

Переводчик с обиженным видом обратился к Джамалу, и тот неожиданно выхватил плетку и принялся стегать юношу. Удары сыпались один за другим, и казалось, им не будет конца... «Только бы не высекли глаза», – сверлила казака одна и та же мысль. Он стоял на месте не шелохнувшись, пока не потерял сознание.

Семена и Любашу Айдын-бей увез в тот же день. Капитон остался. Два дня он пролежал на животе, не в силах пошевелиться. Его спина представляла кровавое, испещренное ранами месиво. На третий день в аул пригнали захваченных юношей разных национальностей, закованных в деревянные колодки: русские, грузины, татары, армяне и ногайцы. За ними привели пленных солдат. Уставшие, грязные, голодные, но не сломленные православные воины шли друг за другом, соединенные одной длинной цепью. Капитона заковали и присоединили к общей массе. Утром длинную вереницу невольников погнали через перевал. Минуло пять дней, и показалось море, но до него добрались немногие счастливцы. Среди них оказался и Русанов.

Весь восточный берег Черного моря был населен двумя совершенно разными племенами: от Анапы до реки Саше жили натухайцы, хегаки и шапсуги, в сущности являющиеся все теми же черкесами, а от Саше до устья Ингура морской берег занимали абазинцы, именуящие себя «абсасуа». Несмотря на то что невольников вели по землям родственных народов, все равно за проход по их территории одни горцы платили дань другим. Бывало, что разбойники одного черкесского племени захватывали горцев соседнего аула и продавали в рабство. И могло случиться так, что абрек, полонивший русского землепашца и поменявший его на порох и соль, на другой день оказывался рядом с ним и тоже гремел колодками. Дикие народы – странные обычаи.

Не так давно правитель Анапы Ферах Али-паша заключил с черкесами союзный договор. Большинство соседних племен приняло ислам, и теперь они освобождались от налогов и платили только десятину в казну. Мудрый паша пошел еще дальше: он начал выплачивать черкесским вождям часть таможенных сборов, и тогда горцы поклялись ему в верности. Старая вражда между турками и черкесами прекратилась. Воцарился мир, и оживилась торговля. Вокруг зазеленели поля, расцвели сады и раскинулись огороды. Так Турция обрела союзников в борьбе с Россией, и крепость Анапа стала ключом к азиатским берегам Черного моря.

Ветряные мельницы, разбросанные по окрестным прибрежным полям, подхватывали соленый морской ветер и, подражая птицам, махали огромными крыльями, заранее зная, что им никогда не взлететь. По узкой каменистой тропе вереница невольников приближалась к Анапской твердыне. Им были хорошо видны неприступные скалистые берега, защищавшие цитадель. А светлая морская отмель преграждала проход неприятельским кораблям. Высота крепостных стен, ограждавших город с суши, достигала не меньше восьми сажень, а протяженность – почти три версты. Бастионы соединялись куртинами. Проект фортеции выполнил турецкий инженер Хусейн-ага, но возводили это грандиозное сооружение под присмотром опытных французских инженеров.

Под конвоем черкесов пленники миновали откидной мост, переброшенный через глубокий ров шириной никак не меньше восьми сажень. Подняв голову, Капитон разглядел жерла пушек, прикрывавших подступы к воротам. В случае

длительной осады неприятеля жители Анапы не испытали бы жажды – на территории прибрежного города было устроено множество колодцев с чистой и свежей водой.

Но сам город произвел на Русанова далеко не лучшее впечатление. Невзрачные низенькие жилища располагались беспорядочно, словно выбравшиеся на поверхность грибы после дождя; улицы представляли собой ломаное пространство между стенами каменных, частью кирпичных, а в основном турлучных построек, в которых ютились переселенцы из Тамани и Трапезунда. Лишь одно мусульманское правило соблюдалось свято: на стенах домов, обращенных к дороге, отсутствовали окна, а там, где они все-таки прорезались, высились плотные каменные заборы. Кривые и извилистые, как весенние ручьи, переулки были настолько узки, что по ним не смогли бы разминуться два всадника. В противовес убогим жилищам простолюдинов высились государственные здания из белого камня с изысканной и в то же время строгой красотой: таможня, дворец паши, зимние казармы для янычар. Даже бани были сложены из цельного камня – такого же, как и стены крепости. А что уж говорить о мечетях! Стройные минареты взвивались в небо, как сосны на горных вершинах. Их величественная красота завораживала паренька из казачьей станицы. Откуда ему было знать, что лучезарный Абдул-Гамид I отводил Анапе роль своеобразного форпоста мусульманской религии на Северном Кавказе и потому на месте древнегреческих храмов Горгиппии приказал возвести духовную библиотеку и три мечети с минаретами. Конечно, они были выше деревянной ставропольской церквушки. «Но разве в этом дело?» – мысленно задался вопросом юноша.

Забыв о жажде и голоде, пленники с интересом рассматривали город. А он шумел, переливался тысячами голосов и галдел, как воробьиная стая на току. Вокруг сновали мальчишки с подносами, уставленными пузатенькими стаканчиками с чаем, у открытых кофеен сидели мужчины в тюрбанах, курили кальяны и неторопливо смаковали кофе. Запах душистого турецкого табака, сдобренного ароматом яблока, ванили, жасмина и лакрицы, разносился повсюду. Лавки пестрели красными и зелеными арабскими надписями на дверях. Разносчики сладостей расхваливали нежный рахат-лукум и пахлаву, миндальную халву и мороженое. Айраны и йогурты, соки и шербеты в кувшинах из тончайшего стекла предлагались прохожим за почти символическую плату. Чуть поодаль торговали рыбой, икрой и осетровым балыком. Жарили шашлыки. Зазывалы предлагали вкусить миланские и неаполитанские вина. Душистый запах источали специи: мускат, ладан, киноварь. Ювелиры выставляли выдвижные ящики-витрины с женскими украшениями из египетского серебра и

драгоценными камнями, обрамленными в оправы из турецкого золота. Продавцы тканей демонстрировали отрезы дорогой фланели из Шампани, холст из Ломбардии, сукно из Германии, среднеазиатский шелк, беличий мех из Ургенча, персидские ковры и... рабов из России, Армении, Грузии, Венгрии, Болгарии. Почти полвека Анапа являлась главным невольничьим рынком Кавказа, через который на Восток отправлялись десятки тысяч захваченных в грабительских походах славян. Став однажды рабом, человек оставался таковым навсегда. И если даже ему удавалось освободиться и бежать, то в глазах общества он оставался беглым преступником, подлежащим возврату своему хозяину. Сделки по продаже невольников считались законными и оформлялись у нотариусов. В купчих указывались имя и происхождение раба, продавец и покупатель. Взамен часто горцы брали различные товары, но более всего – оружие, порох, свинец, соль.

Вместе с другими пленниками конвоиры втокнули Капитона в некое подобие загона, обнесенное остроконечным частоколом. Прислонившись к шершавой поверхности мертвого дерева, молодой казак провалился в сон. За эти две недели он научился переносить голод, спать по-кошачьи – одновременно наблюдая за окружающими – и даже дремать на ходу. А сейчас он позволил себе расслабиться и вмиг отключился.

Но заскрипели деревянные ворота, и парень пробудился. Перед пленниками возник господин восточного вида в тюрбане, длинном красном кафтане, перепоясанном алым кушаком, и в широких шароварах. На боку болталась кривая турецкая сабля на шелковой перевязи. От ее серебряных ножен разбегались солнечные зайчики и слепили пленнику глаза.

– Эй, уландлар, кель менде! – громко прокричал вошедший.

Повинуясь приказу, часть юношей ушла вместе с ним. Но прошло совсем немного времени, как показался другой господин, одетый так же, как и прежний. Несмотря на пышные усы и густую бороду, в нем угадывались славянские черты. И действительно, заломив залихватски тюрбан на затылок, он почти пропел:

– А ну, православне: московские, тверские, калужские, вятски?е... явысь!

Капитон поднялся, а вместе с ним встали еще человек десять. Окинув невольников критическим взглядом, незнакомец вздохнул, задумчиво поскреб

густую бороду и в итоге отобрал всего семь молодых парней, среди которых был и сын казачьего старшины.

Немного поторговавшись, покупатель ударил с черкесами по рукам. Горцы, довольные сделкой, весело зашумели. Тут же под камышовым навесом орудовал стряпчий – турок в феске с жиденькой козлиной бороденкой и бегающими глазками. Он быстро оформил семь купчих и передал их покупателю.

По просьбе нового хозяина с Капитона, как и с остальных шести отобранных рабов, черкесы сняли колодки. Невесть откуда взявшийся угодливый турецкий мальчишка раздал каждому русскому по кринке кислого молока и куску жареной баранины, завернутой в тонкую, похожую на блин лепешку. После многих дней недоедания эта простая пища показалась самым изысканным кушаньем. Очень скоро от него остался только запах да жирные пальцы рук.

– Що, хлопчики, трохи поилы? Тоги слухайте! Тепер ви – неவில்ники его святийства Султана Абдул-Гамида I и воины ислама. Зараз я вам справлю новий одяг и мы поплывемо у Египет. Там ви будете вчытыся воинскому дилу. Усякий, кто попрубуват уतिकать, буде непреложно изловлен и отдан на галеры, а там рабы долго не жительствоуют... Зразумелы чи не? – Ребята молчали. – А не чую я висповеди?

– Уразумели, – вразнобой ответили юноши.

– Вот и гарно! А мене звать Рустам-бей, зараз я ваш сотник. Та допоможе нам Аллах!

Не успел мулла прокричать вечернюю молитву, как трехмачтовая тартана с гордым названием «Черный лебедь», поймав попутный ветер, уже резала носом набегавшую волну, силясь достичь земли по ту сторону Черного моря. В трюме, облачившись в пестрые халаты, вповалку спали будущие мамлюки. Уходящая вдаль фиолетовая полоса горизонта навсегда разделила небо и море, не позволяя им соединиться, будто напоминая людям о невозможности возврата в прошлое.

Целакантус

Заседания в Коммерческом клубе проходили по субботам. Созданный первоначально как всеобщий и общедоступный, он уже давно играл заметную роль в жизни города. Именно здесь проходили неформальные встречи власти и негоциантов, во многом определяющие судьбу любых финансовых проектов. Изначально над мыслью об организации «вольного собрания коммерсантов» задумался один сметливый торговец, безуспешно обивавший пороги чиновничьих контор, чтобы получить дозволение на открытие питейного заведения по Ольгинской улице. «Надо, – говорил он, – сделать так, чтобы не я за этими канцелярскими душами бегал, а они сами ко мне являлись под каким-нибудь благовидным предлогом». Братья-купцы затылки почесали, но идею поддержали, а местная интеллигенция разглядела в этом предложении весьма полезные образовательные стороны. И не ошиблись: за прошедшие семь лет Клуб собрал довольно богатую библиотеку, учредил стипендию имени Коммерческого клуба и открыл под своим крылом «Губернское общество любителей истории, естествознания и географии». Самые известные ученые и профессора России великодушно соглашались выступить с лекциями в его стенах, тем более что сия благосклонность обычно сдабривалась толстой пачкой банкнот. Даже великий Шаляпин приезжал в Ставрополь по приглашению председателя совета старшин Клуба.

Иногда здесь можно было встретить городского голову, живо расправляющегося с заморским омаром, и даже вице-губернатора, расхаживающего с бильярдным кием. А однажды люди видели, как за ломберным столом с картами в руках сиживал сам – да-да, поверьте! – губернатор. Но такое случилось только один раз.

Первое время все местные чиновники, включая безусых помощников коллежских регистраторов, повадились посещать субботние ужины, жадно уплетая не только простой расстегай с визигой и налимьей печенкой, но и жареных устриц во фритюре под шабли. А уж за депутатов местного общественного собрания и говорить не хотелось – слетались как мухи на майский мед. Не выгонишь. Но скоро такая благотворительность купцам надоела. Оно и понятно: незачем пескарей кормить, если с щукой дружишь. Тогда и появился в Уставе Клуба коротенький и малоприметный дополнительный пункт под № 1.7.: «Правом посещения заседаний Клуба обладают только его действительные члены. Присутствие иных гостей допускается сугубо по одобрению Совета старшин».

А в этот уважаемый исполнительный орган входил не кто-нибудь, а сам господин Огрызко – новоизбранный председатель городской Управы. А другим артикулом членство в Клубе подняли аж до 50 рублей в год. Вот так-то! А теперь попробуй, господин коллежский секретарь, со своей рваной штафиркой сунуться сюда на дармовщинку!

Другое дело – демонстрации самодвижущихся картин под аккомпанемент фортепьяно, концерты или лекции. Вход свободный, но только при наличии пустых мест в зале. За порядком внимательно следили строгие швейцары. Нередко среди посетителей можно было видеть стриженные макушки любознательных гимназистов и длинные, свисающие сосульками пакли семинаристов.

Вот и сейчас к летней резиденции Клуба в Воронцовской роще небольшими ручейками стекался народ. В основном купечество, служащие местного музея, учителя да молодежь, рассчитывающая бесплатно попасть на лекцию с использованием «волшебного фонаря» – аппарата для проекции изображений. К тому же тема беседы «Удивительные и опасные обитатели морских глубин» обещала быть интересной. Основная масса горожан никогда не видела голубых волн, и потому все, что было связано с далекими морями, затерянными в океане островами и причудливыми рыбами, вызывало искренний интерес.

По извилистой дорожке парка, мимо раскидистых кленов и столетних могучих дубов, выбрасывая трость вперед, шел Ардашев. Рядом с ним с книгой в руке следовал частнопрактикующий врач Николай Петрович Нижегородцев. Собеседники что-то увлеченно обсуждали, не заметив, как оказались у самого входа. Швейцар уважительно поклонился и распахнул перед гостями двустворчатые двери.

Небольшой зал – примерно на три сотни мест – был почти полон. Незанятыми оставались только кресла трех действительных членов Клуба, к которым, несомненно, относились присяжный поверенный и доктор. Позади на специальной деревянной подставке был установлен электрический проектор, а на противоположной стене висел прямоугольник белого холста.

Перед слушателями появился высокий, но обладающий заметным брюшком лектор. Со стороны могло показаться, будто это был вовсе и не живот, а надетый спереди туристический вещевой мешок. Его приглаженные волосы хранили заметные следы влаги, но, несмотря на это, топорщились, безуспешно пытаясь

скрыть сверкающую лысину. Слегка вздернутый кверху кончик его прямого носа как будто бы жил сам по себе и непроизвольно двигался, выдавая тем самым повышенную эмоциональную чувствительность ученого. Под живыми глазами, закрытыми круглыми очками, повисли старческие мешки. Пятидесятидвухлетний зоолог был гладко выбрит и имел самый что ни на есть благочинный вид: белая сорочка с едва заметной желтой полосой на изгибе воротника, галстук «котлеткой», коричневый костюм-тройка и черные туфли, недавно надраенные уличным чистильщиком. Взглянув на циферблат «Павла Буре», столичный гость защелкнул крышку часов, удовлетворительно крякнул и опустил их в жилетный кармашек. Потирая руки, он начал:

– Смею надеяться, господа, что больше нам ждать некого... Так что, пожалуй, начнем-с. Позвольте представиться – Генрих Францевич Граббе, ихтиолог, профессор Петербургского университета, член Императорского Русского Географического общества. – Публика вежливо захлопала. – Рыбы... удивительнейшие, знаете ли, существа. Многие из них чрезвычайно опасны для человека. И убить любого из нас они могут самыми коварными способами. Да-с... Но начнем с традиционного морского хищника, которому многие миллионы лет. Ученым известно триста семьдесят разновидностей этого монстра. – Он улыбнулся, кивнул помощнику и отошел. Погас свет, и на белое полотно упал луч проектора. Послышался звук вставляемой пластины – на экране возникла огромная акула. Публика изумленно ахнула, и профессор начал свой занимательный рассказ.

– Перед вами китовая акула – самая большая среди всех сородичей. Ее длина достигает почти семи сажений. – Тут же пластину заменили, и перед зрителями появилась уменьшенная копия морской громадины. – К числу самых маленьких представителей этих рыб относится карликовая колючая акула. Она не больше обычного карася – всего 5–6 вершков. – Изображения поменялось, и прямо на зрителей неслось зубастое морское чудовище с открытой пастью. – У этой «красавицы» самые сильные челюсти из всех животных на планете. А хватка в два раза сильнее львиной. Зубы тигровой акулы легко прокусывают черепаший панцирь. Мускулатура и строение тела обеспечивают этому морскому хищнику прекрасную гидродинамику. Ну, посудите сами: за несколько секунд она набирает скорость в шестьдесят – сто верст! В то время как самый большой из известных нам океанских лайнеров, «Олимпик», совсем недавно спущенный на воду, развивает скорость лишь в 21–23 узла, что составляет немногим более 40 верст в час! Вот и сравните, насколько далеки достижения человека от совершенства природы. А органы чувств у нее просто восхитительны: она чует запах всего одной капельки крови за полторы версты! Подумать только! Однако

это не самое опасное для нас с вами существо. Зоологические исследования последних лет свидетельствуют, что существуют целые породы рыб, снабженные ядом и острыми иглами, могущие причинить смерть тому, кого они поранят или кто отведаст их мяса и крови. К этой категории, несомненно, относится одна знакомая всем особь, которая своей живучестью приводит в отчаяние кухарок. Но многие брезгуют употреблять ее в пищу из-за схожести со змеей. – На экране появился угорь. – Да-да, мы говорим о нем, господа. Многие просто не знают о его чудовищной опасности, а между тем если взять всего несколько капель крови этого создания и ввести человеку, то наступит летальный исход. Но не следует паниковать – убитый, да еще прошедший термическую обработку угорь – настоящий деликатес.

Такой же ядоносный аппарат, весьма схожий со змеиным, присущ почти всем рыбам, принадлежащим к семействам ежей, а также круглых щетинозубов и кузовков. Люди их почти не употребляют в пищу, но они вызывают несомненный интерес своим строением тела: голова и туловище у них – единое шарообразное целое, иногда покрытое бесчисленными иглами. Вот, например, рыба-камень. – Мерзкое, шароподобное существо возникло на картине проектора. – Еще она известна под названием бугорчатка или бородавчатка. Длиной всего в пять вершков, с безобразной крупной головой, маленькими глазками и большим ртом с выдающейся вперед челюстью. Ее голое тело без чешуи коричнево-бурого цвета сплошь покрыто буграми и бородавками, а из спинного плавника торчат жесткие ядовитые шипы. Поверьте, уродливее страшилища во всем свете не найти! Она прячется среди кораллов, зарывается в песок или даже может остаться на берегу в лужах после отлива. Но стоит вам наступить на нее или даже легонько дотронуться, как она тотчас же вонзится в вас шипы плавников, через которые вольется яд. Смерть наступит очень скоро.

Вы представить себе не можете, сколько врагов у безобидных ныряльщиков за жемчугом и кораллами в Красном море и Индийском океане! Морской жабень, скаты, рыбы-зебры и рыбы-коты. Да и в Средиземном море достаточно опасностей! Возьмите хотя бы морского орла. Своим длинным плетевидным хвостом, усеянным ядовитыми иглами, он наносит раны, последствием которых является смерть беспечного купальщика. Вот почему его ловля и продажа у итальянских берегов строго запрещены.

У некоторых из кузовков мясо столь ядовито, что достаточно съесть всего несколько граммов их печени – и конец неминуем. Наверное, поэтому бытует общераспространенное мнение, что рыба-печень ядовита сама по себе.

Ошибочность такого мнения видна уже из того, что сотни тысяч людей поглощают сегодня рыбий жир, изготавливаемый из тресковых печенок, и благополучно излечиваются от золотухи, бугорчатки и чахотки.

Наверняка многие из вас, кто отдыхал на Черноморском побережье, встречали отливающих всеми цветами радуги аклеф и медуз. По краям у них имеются ядовитые железы, содержимое которых действует как ожог крапивой даже при легком касании тела купальщика.

Многие откажутся мне верить, если узнают, что сельдь, съедаемая миллиардами штук ежегодно, как любимое и дешевое народное кушанье, имеет собственного ядовитого представителя – *Clupea venenosa*. Отведав его, тридцать человек экипажа французского военного корабля «Calinet» отправились на тот свет. К счастью, этот опасный вид довольно редко встречается, слабо размножается и в больших переселениях обыкновенных пород почти никогда не участвует.

Ну а мидии и устрицы, спросите вы? Охотно отвечу на двух примерах. Помните, не так давно в газетах сообщалось, что рабочие на доках в Вильгельмштафене поплатились жизнью за то, что отведали ракушек; а всего пару лет назад несколько членов германского рейхстага отравились устрицами, съеденными на дипломатическом рауте. И это притом, что в первом и втором случаях продукты были абсолютно свежими! Следовательно, ядовитые элементы органически входили в состав этих существ еще при жизни, а не выработались вследствие несвежести или порчи.

Загорелся свет, и благодарная публика, не сговариваясь, заплодировала. Лектор промокнул платком выступивший на лбу пот.

– Благодарю, господа. Возможно, у вас есть какие-либо вопросы? Пожалуйста, не стесняйтесь.

– Скажите, господин профессор, а как давно в морях обитают акулы? – раздался чей-то юный голос.

– Они появились приблизительно триста миллионов лет назад.

По залу пронесся восхищенный гул, сменившийся изумленным шепотом.

– Выходит, это самые древние рыбы на Земле? – не успокаивался все тот же пытливый гимназист.

– До недавнего времени мы так и предполагали. Однако по окончании японской кампании, когда наш корабль «Анадырь» возвращался на родину, он сделал остановку на острове Мадагаскар. Команда сошла на берег, и на местном базаре один из офицеров увидел довольно странную рыбу, с большим трудом выловленную местными жителями. Это невиданное чудище, запутавшись в сетях, скалилось будто собака и отличалось неслыханной воинственностью. С большими предосторожностями команда рыбацкой шхуны выволокла улов на берег. Развязав невод, они выбросили на землю странное существо длиной в два аршина и весом в три пуда. Пришелица с морских глубин имела равномерную голубую окраску и широкое, совсем не рыбье туловище, покрытое необычной чешуей, похожей на человеческие зубы. Любопытный офицер там же зарисовал невиданное существо. Прибыв в Санкт-Петербург, он отправился в наш зоологический музей. И мы, признаться, ахнули! Оказывается, в сети угодил целакантус, или кистеперая рыба, вымершая еще в эпоху динозавров. Ее плавательный пузырь, как у всех современных двоякодышащих, исполнял роль легких. У рыбы самые удивительные и единственные в своем роде парные грудные и брюшные плавники. Они чем-то напоминают лопасти и позволяют ей ползать по грунту. Вот поэтому предки кистеперой рыбы, жившие у поверхности воды, смогли выбраться на сушу и в процессе эволюции превратились в млекопитающих. Другими словами, целакантус – промежуточное звено между рыбами и наземными животными. И ему примерно 350 миллионов лет. А значит, он намного старше акул. Сегодня зоологические музеи всех европейских стран хотели бы иметь такой редкий образчик девонского периода. Он живет на глубине от 35 до 200 саженей. За живого или мертвого целакантуса Великобритания, например, готова выложить 20 тысяч фунтов стерлингов. Согласитесь, это сумасшедшие деньги. К сожалению, наше Географическое общество сегодня не может себе позволить экспедицию на Мадагаскар, а жаль, – вздохнул ихтиолог.

– Зато мы можем! – крикнул кто-то из купцов.

– А что, давайте и в самом деле снарядим команду и отправим ее за чудорыбой! – поддержал внезапную инициативу чей-то нахрапистый бас.

– Только в этом случае пойманная тварь останется в губернском музее! Коли бакшиш наш, то и улов нам причитается! – зычно крикнул один из братьев

Костянкиных! – А по-другому я не согласный!

– А как же иначе! – подхватил Ерванжиев.

– И профессора возьмем, пусть развеется! – предложил Алабузов.

– А жалованье вам, Генрих Францевич, за год вперед положим! Ну, что скажете? – вставил свою лепту купец первой гильдии Иван Толобуев.

– Я право, господа, не знаю... так неожиданно... без доклада Географическому обществу, не имея подробной карты исследований, – лепетал опешивший ученый.

– Да что там штаны в кабинетах протирать! Ехать надо!

– Но без фотографа, ботаника и хорошего специалиста по географии нам никак не обойтись, – вновь засомневался Граббе.

– Да что там географа! Мы вам в придачу еще и водолаза выпишем! Он эту рыбину со дна голыми руками достанет! А вместо фотографа – фильму снимем про этот самый Ма-да-га... – запнулся Костянкин.

– Мадагаскар, – поправив очки, помог негоцианту ученый.

– Вот-вот, я и говорю, – снова подхватил мысль владелец торгового дома. – А потом эту самую фильму размножим и продадим с прибытком во все синематографы России. И глядишь – не только потраченное вернем, но и маржу получим!

– Иван Прокопьевич дело говорит! – донесся одобрительный возглас.

– Я предлагаю безотлагательно провести заседание Совета и там все детально обсудить, – предложил доктор Нижегородцев.

– Вот это правильно!

– Членов Совета попрошу пройти в банкетную залу, – напомнил банкир Панов, – председатель исполнительного органа.

Публика, ошеломленная неожиданным поворотом событий, расходилась, а корреспондент «Губернских ведомостей» все продолжал увлеченно строчить карандашом в редакционном блокноте.

Глава 7

Печальная песнь муэдзина

I

Ровная, как столешница, морская гладь простиралась до самого горизонта. Капитон, еще недавно страдавший от боковой качки, теперь чувствовал себя лучше и решил выбраться из душного трюма на свежий воздух. Зажмурившись от яркого солнца, он удивленно огляделся вокруг. Такой бескрайней водной пустыни сыну казачьего старшины видеть не приходилось. Ветер почти стих, но упрямое судно продолжало двигаться по инерции на обвислых парусах. Неугомонные спутники мореплавателей – бакланы надрывисто кричали и беспокойно носились вокруг, будто пытаясь поведать о чем-то непонятливым людям. Устав кружить, они перелетали с одной реи на другую, взгромождаясь на них словно куры на насест, а некоторые – самые смелые – опасно бежали по деревянной палубе. Вычерчивая зигзаги, в небе играли качурки. Поднимаясь на немыслимую высоту, они превращались в едва заметные точки и совсем терялись из виду. «Вот бы и мне улететь вместе с ними. Мать, верно, убивается, отец места себе не находит», – Сухой комок подкатился к горлу, и вчерашнему мальчишке захотелось разрыдаться, но в памяти всплыли слова отца: «Запомни, сын, враг никогда не должен видеть твоих слез».

Небольшая команда «купца», так часто называли торговые суда, занималась рутинной работой: матросы поправляли такелаж, несли вахту, делали приборку, чистили носовой свифель[2 - Свифель (партарело) – устанавливался на вращающейся опоре. Позволял вести огонь в любых направлениях. Обладал достаточно высокой скорострельностью и точностью по сравнению с пушкой

(прим. авт.)] и одну небольшую вертлюжную двухфунтовую пушку на корме.

– Що, хлопчик, вышел на птахив подывытись? – сотник вынул изо рта трубку и с прищуром посмотрел на Русанова. – Ты звыгдке такой будешь?

– Из Ставропольской крепости.

– Я не разумию таку крепость... я ее не брав.

– Оно и слава богу, а не то бы вам с моим батькой повстречаться пришлось, – сверкнув недобрым взглядом, выговорил сын казачьего старшины.

– А хто в нас батька буде?

– Казачий старшина. С двадцати шагов запросто в двугривенный из пистолета попадает, – гордо ответил парень.

– Ой, бачу! Вин до-о-брый ка-а-зак! – восхищенно покачал головой Рустам-бей. – Та скоро я и тебэ так навчу. Дывись. – Сотник вытащил из-за пояса пистоль и, едва прицелившись, выстрелил. Грохот распугал птиц. Но одна из них шлепнулась прямо перед его ногами.

– Неплохо! – кивнул Русанов.

Лицо соотечественника посветлело, как небо после радуги. Он с удовольствием потянул глиняную трубку, выпустил облачко дыма и, похлопав парня по спине, сказал:

– Так що пишли к хлопцам, я расповыдаю о мамлюках.

Из рассказа сотника следовало, что мамлюки – это своеобразная воинская каста в исламском Египте. Всех рекрутов набирали из рабов. В основном преобладали черкесы, абхазы, грузины, но были среди них и русские. Юношам делали обрезание, обращая в ислам. В закрытых лагерях-интернатах они обучались арабскому языку, читали Коран, а в перерывах между молитвами тренировались в постижении фуруссии – комплекса разных видов воинского искусства. Основными из них были: верховая езда, фехтование, упражнения с копьем,

борьба, стрельба из ружей и пистолетов. Ежедневные занятия превращали вчерашних мальчишек в самых почитаемых и грозных воинов. Каждый мамлюк состоял на полном довольствии и получал жалованье. Ему выдавалась лошадь и корма для нее. Позже он мог обрести свободу и даже стать эмиром.

За разговорами незаметно наступил вечер, на небо всплыла луна. Подул свежий ветер. Море заволновалось, паруса наполнились силой и погнали корабль к турецкому берегу. Стемнело. Поужинав, пленники заснули.

С первыми лучами солнца на горизонте черной размытой тушью проступила полоска суши. О появлении земли возвестил судовой колокол. К полудню тартана вошла в Босфор. Живописные холмистые берега пролива, тронутые легкой осенней желтизной, придавали Константинополю вид сказочного города с домами, будто крытыми золотой черепицей, и витражами, словно выложенными из драгоценных камней. Так забавлялось солнце, играя лучами с берегом. Но для невольников, высыпающих на палубу, вся эта чужеземная красота казалась чужой, холодной и непонятной, так же как протяжное завывание муллы на минарете и мусульманские звезды с полумесяцем на мечетях вместо привычных крестов на церквях. «Одно слово – басурмане! И этот... мамлюк хохляцкий! Ну, подожди, Иудино семя, дай только вырваться! Вот тогда и посмотрим, кто кому обрезание головы сделает!» – подумал Капитон и зло сплюнул за борт.

Стоянка в порту Константинополя была недолгой. В трюм загрузили пресную воду в деревянных бочках, инжир, груши и яблоки в корзинах, вяленую баранину и лепешки. На палубу забрался низкий и толстый турок в шальварах, расписном, вышитом золотыми нитками халате, в феске с кисточкой. Шаркая красными сафьяновыми туфлями, он с видом хозяина заглядывал в каждый угол, бормоча что-то себе под нос. Обойдя весь корабль, чужеземец подошел к выведенным на палубу невольникам и стал их пристально разглядывать, будто выискивая среди них знакомое лицо. Остановившись перед Капитоном, он воззрился на него и вдруг отшатнулся, будто загнанный кролик поймал взгляд змеи.

– Шейтан рус! Шейтан! – уходя пролепетал он.

– Что-то ты, хлопче, таможни не вгодыв! Побиг вин вид тэбе як чорт вид ладана! – усмехнулся в усы Рустам-бей.

Вскоре корабль со скрежетом отчалил. Миновав Дарданеллы, он вышел в открытое море и лег курсом на Александрию – первый египетский порт.

Ночь выдалась звездной. Далекие огни, словно сотни степных светлячков, рассыпались по черному пространству небосвода, тускло отражаясь в темной воде. Тартана с характерной, прогнувшейся седлом палубой казалась совсем беспомощной и всецело зависящей от воли Господа. На сотни миль вокруг – непроницаемая бездна – таинственная, чужая и непонятная.

Круглый огненный шар медленно выглядывал из-за горизонта, добавляя в лазурную воду оранжево-красный цвет. Наступило утро – спокойное и безоблачное. Ветер стих настолько, что паруса едва выполняли свою роль и судно еле двигалось. В полдень ничего не изменилось. Капитан вышел на палубу с квадрантом – деревянным прибором, состоявшим из двух градуированных линеек в форме усеченных дуг, скрепленных друг с другом с помощью древка. Он водрузил умное устройство на плечи и, взяв за ручки, повернулся к солнцу спиной. Прделав несложные манипуляции, опытный моряк вычислил угол горизонта и угол подъема солнца. Сверив данные по старой, издававшей не одну морскую бурю книге, он определил местонахождение «Черного лебедя». Оказывается, до Александрии оставалось еще не меньше семи дней пути.

Неожиданно вахтенный матрос ударил в судовой колокол. Со стороны африканских берегов показалось темное, едва приметное глазом пятнышко, постепенно превращающееся в очертания незнакомого корабля. Несмотря на убранные паруса, оно имело довольно быстрый ход. Капитан что-то зычно прокричал, и вся его малочисленная, но слаженная команда в один миг оказалась вооруженной. Два матроса заняли места у пушек, а трое с ружьями на изготовку расположились по двум бортам. Рустам-бей появился с двумя пистолетами за поясом. Их рукоятки были связаны между собой лентой, перекинутой через шею. К массивной изогнутой турецкой сабле добавился устрашающий тесак за поясом. Невольников тотчас же загнали в трюм и задраили люки.

Флага у идущей навстречу галеры было не разобрать.

«А-л-л-а-а-а-л-л-а-а...» – доносилось с минаретов. – «А-л-л-а-а, а-л-л-а-а...» – тянул муэдзин. Работа на каменоломнях продолжалась даже при свете факелов. Когда кончалась последняя, пятая молитва этого мусульманского пономаря, только тогда колонна каторжников в грязных лохмотьях, издавая зловещий звон, начинала двигаться. Так звучали цепи. Толстые, почти двухаршинной длины, они заканчивались металлическим браслетом, охватывающим каждого невольника за лодыжку. Некоторые плелись в деревянных ошейниках с железным ободом. Всех этих несчастных объединяло одно – они были христиане.

Число пленников за последние годы в Алжире значительно сократилось. Да и на самой набережной было уже не так шумно, как раньше. Но ее белые камни хорошо помнили недавние времена, когда в порт под охраной галер длинной вереницей входили караваны захваченных европейских судов с приспущенными флагами. Победители возвещали об удаче пушечным выстрелом. На берегу собиралась разноцветная, погрязшая в пороках толпа: зазывалы харчевен, торговцы всевозможным товаром, проститутки и нищие. Все ждали той счастливой минуты, когда по сходням спустится ватага пиратов с добычей из золота и серебра. Но теперь многих из тех счастливых уже нет. Они давно на морском дне либо болтаются на виселице.

Две великие европейские державы – Англия и Франция – вознамерились положить конец морскому разбою. И теперь вдоль берегов этой страны курсировали военные высокобортные 40-пушечные фрегаты. Эти плавающие крепости жестоко расправлялись с низенькими галерными суденышками «охотников за удачей». Куда там их фальконетам против мортир, каронад или нескольких десятков 24-, 48- или даже 96-фунтовых пушек! Одиноким пиратским галерам то и осталось – рыскать по-шакальи в поисках беззащитных купеческих шебек, тартан и мулет.

Слава Аллаху, что Алжир входил в Османскую империю на правах автономной провинции и можно было всегда прикрыться турецким флагом! К тому же это нисколько не мешало магрибским разбойникам самим потрошить и турецкие суда! Правда, имелось одно исключение – магометане никогда не продавали в рабство единоверцев, но и лишние свидетели им тоже были ни к чему.

Капитон шел в одном ряду со славянами. Он был одним из немногих, закованных в ошейник. Тяжелый «металлический галстук» снимали только на время работы. Этому жестокому наказанию его подвергли за неслыханную дерзость – Русанов перехватил руку с саблей надсмотрщика, занесенную над головой

обессилевшего соотечественника – Силантия Некрасова. Этот пленный казак когда-то легко гнул подковы, а теперь совсем исхудал и ослаб. День ото дня силы его таяли. И это было особенно заметно по его глазам. Некогда большие, карие, с легким веселым прищуром, они провалились и погасли, словно в лампадке закончилось масло. Силантий взирал на Капитона с уважением и благодарностью, но на следующий день он поскользнулся на каменоломнях и, упав в пропасть, сломал обе ноги. Не желая с ним возиться, охранники перерезали ему горло.

Как-то на днях десятник Али раздобылся и поведал Капитону, что скоро его должны отдать на галеры. А оттуда один путь – на Небеса. И если каторжники еще имели призрачную надежду на спасение, то галерные гребцы – никогда. Многие из них погибали под шрапнелью вертлюжных пушек легких купеческих судов или умирали под хлесткими ударами плетки надсмотрщика. Больше года там никто не выдерживал, а каторжан иногда выкупали местные жители для работы на огородах или помощи в лавках.

Длинная колонна послушно остановилась, и рабы один за другим стали исчезать в подземных казематах. Уставшие, оборванные колодники с трудом забирались в свои постели – грязные соломенные подстилки на каменном полу. Еду – чечевичную похлебку или разведенную в протухшей воде муку – им давали только один раз в день.

Два года минуло с тех пор, как сын казачьего старшины последний раз видел стены Ставропольской крепости. Память часто выуживала из недр сознания картины далекого и счастливого прошлого: бесконечная степь, быстрая река, хата, добрые глаза матери и крепкие руки отца... Родина – это слово отдавалось внутри тем благостным и волнующим звуком, каким трогает сердце легкий удар колокола в станичной церквушке или первое прикосновение губ юной девушки. Удастся ли когда-нибудь вернуться назад? Кто знает? Да и как бы сложилась его судьба, если бы тогда в море будущие мамлюки не встретили безжалостных магрибских пиратов? В ушах до сих пор стоял зычный крик Рустам-бея: «Та щоб вам, окаянным, на том свите пусто було! У, нэхристи погани, клычьте свойого Аллаха в останний раз!» Топот, пушечная и оружейная стрельба, резкий удар по корпусу судна и отчаянные вопли, звон сабель, пистолетный выстрел и тишина – пугающая и непонятная. Чего ждать от нее? Вскоре распахнулся задраенный люк и показалась чья-то голова в чалме. Невольникам приказали подняться наверх.

Залитая кровью палуба, трупы защитников и нападавших устилали все пространство. Пахло порохом и свежей кровью. Судя по всему, Рустам-бей отчаянно защищался и положил чуть ли не с десяток пиратов. Этого ему не простили – мамлюк был изрублен в куски, а его голова, с застывшим на лице свирепым оскалом, валялась где-то у борта. Правая отрубленная кисть храбреца сжимала тесак, а из обрубка левой ладони выглядывал православный образок. Сзади послышалось несколько всплесков. Капитон обернулся и увидел, как с галеры за борт бросали убитых и еще живых, но раненных шрапнелью гребцов. Никто из них не просил пощады. Для многих смерть была самым скорым избавлением от тяжелых страданий. Некоторые еще держались какое-то время на плаву, оставляя кровавые разводы в синей морской воде, а потом, обессилив, шли на дно, выкрикнув что-то напоследок. Оставшиеся в живых понуро молчали, опустив вниз головы.

Пленников снова загнали в трюм. Палубу очистили. Красное полотнище с полумесяцем и восьмиконечной звездой спустили, и «Черный лебедь» в сопровождении галеры взял курс на Африку.

К утру сменившая хозяев тартана бросила якорь в алжирском порту. Судно сияло чистотой и блеском, да только простреленные шрапнелью паруса оставались немymi свидетелями кровавой бойни. Невольников, захваченных с разных кораблей, тут же построили и под охраной повели через весь город. Тюрьма находилась на окраине. А там, в подземных казематах, к делу приступил толмач. Он выпрашивал имя, страну и род занятий. Сына одного грузинского князя отвели в сторону и поместили отдельно от всех. Пираты решили отослать письмо его состоятельным родителям и потребовать выкуп. Если же деньги не придут, то юношу будет ожидать участь каторжника. Везло лишь тем, кто что-то смыслил в морском деле: марсовым матросам, кормчим или пушкарям. К ним сразу менялось отношение, ведь у мавров всегда не хватало грамотных и искусных мореплавателей. Христиан, решивших перейти служить на чужие корабли, было не так уж и мало. Правда, имелось одно непреложное условие – принятие ислама. Соглашались многие. А там, глядишь, через пару лет у новоиспеченного Али или Махмуда не за горами и капитанский мостик на какой-нибудь пиратской шхуне или шебеке. Нуждались магрибские разбойники и в опытных врачах, но брали только тех, кто исповедовал магометанство.

Русанов переменить веру отказался и вместе с другими был отправлен на невольничий рынок в Бадестан, где его купил мельник по имени Юсуф. Почти год Капитон таскал мешки с зерном и мукой, гнул спину на приусадебных

огородах и винограднике. Хозяин раба не обижал и относился к нему почти как к члену своей семьи. Парень окреп и даже стал подумывать о побеге. Ведь сказывали знающие люди, что венецианские негодянты, скупающие за бесценок награбленное пиратами добро, иногда прячут в трюмах христианских невольников. И все бы хорошо, да, видно, не судьба... И однажды случилось то, что случилось: приглянулся статный юноша одной из трех жен хозяина, и стала любвеобильная Сафият заглядывать по ночам в сарай под камышовой крышей. Через месяц об этом донесли Юсуфу.

Неверную жену казнили по шариатским законам. Несчастную грешницу, будто столб, связали и вкопали в каменистую землю по самые плечи, оставив на поверхности только голову. И каждый правоверный вместе с проклятиями кидал в изменницу камень, взятый из тех, что горкой лежали рядом. Их приготовили заранее и с расчетом: не совсем большие (чтобы не убить отступницу сразу, а дать помучиться), но и не слишком маленькие (чтобы страдания не длились слишком долго). Такая же участь ожидала и молодого любовника, но Юсуф почему-то пожалел его и продал на городские каменоломни. С того времени прошло уже больше года.

Еще не рассвело, а муэдзин, забравшись на мусульманскую каланчу, все призывал правоверных молиться и чтить Аллаха. Красное чужое солнце уже подкрадывалось к людям, чтобы залить гранатовым светом набережную и озарить белые стены домов. И только в подземном жилище рабов было темно и сыро.

Капитон с трудом разомкнул усталые веки. За ночь он так и не успел отдохнуть, но пора было вставать – начинался новый день его невольничьей жизни.

Глава 8

«Королева Ольга»

Стальная громадина в две с половиной тысячи индикаторных сил уверенно пилила форштевнем сливовую синеву воды, застывшую в тихом безветрии мертвым стеклом. На белом, как виниловый лист, небе отпечаталась грязная клякса дыма, вылетавшего черной спиралью из главной и единственной трубы механического Геркулеса. Еще вчера пассажирское судно «Королева Ольга» оставило берег Одессы и вот теперь медленно вползло в Новороссийскую бухту, окруженную зеленью гор. Своими очертаниями пароход напоминал старинный корабль с высокими, наклоненными вперед мачтами и длинным бушпритом[3 - Бушприт – горизонтальный или наклонный брус, выступающий с носа парусного судна или парохода, дополнительно оснащенного парусами (прим. авт.)].

Клим Пантелеевич с супругой любовались открывшейся перед ними панорамой. Прямо по курсу одиноким заколдованным великаном смотрелся Даосский маяк. Приморский город раскинулся по всему склону возвышенности, увенчанной на вершине золотыми маковками Николаевского собора. Многочисленные хлебные конторы, всевозможные агентства, заводы и фабрики пестрели броскими вывесками, выведенными аршинными буквами: «Товарищество Макларен и Фрейншлет» – изделия, живущие дольше людей», «Русский стандарт» – лучшая выделка минеральных масел из сырой нефти». У самой бухты – домики так называемого французского квартала. Неподалеку – производственные корпуса Черноморского центрального пароходства. Здания статные, каменные, на века.

Новороссийский порт – южные грузовые ворота Российской империи, был оснащен последними достижениями мирового прогресса. Самый большой в Европе механический элеватор и нефтепровод с мощными электрическими насосами исправно несли службу на благо России. Но для горожан все эти новшества суть явления обыденные. Сто миллионов пудов первоклассного зерна из Ставропольской, Екатеринодарской и Ростовской губерний ежегодно отправлялось за рубеж именно отсюда. И к этому все давно привыкли. А что уж говорить о бензине, если половина всех моторов во Франции работала на жидком топливе Грозненских нефтяных промыслов! Двадцать пять миллионов пудов горючего ежегодно вывозилось в Европу! Шутка ли?! Вот и сейчас у причала толпились десятки транспортов, ожидающих очереди на погрузку.

Несколько часов было вполне достаточно, чтобы Вероника Альбертовна, лорнировавшая пассажиров первого класса, сложила собственное мнение о каждом из них. К примеру, она познакомилась с одной весьма интересной

парочкой – мужем и женой Прокудиными. Сами они оказались из Ставрополя и, точно так же как и Ардашевы, не смогли отказать себе в удовольствии денек-другой погулять по Одессе. И хоть разница в возрасте у них была немалая (лет, наверное, двадцать пять), но назвать их брак мезальянсом язык не поворачивался. Константин Иннокентьевич, несмотря на свои пятьдесят пять, был по-военному подтянут, широкоплеч, да и седина у него едва пробивалась. Словом, мужской привлекательности он еще не растерял. А судя по золотому брегету и ладно скроенному светлому костюму, сей дядечка был несусветно богат и, по всем вероятностям, находился при хорошей должности. «Ну, точно, – рассуждала наблюдательная дама, – чин у него не меньше статского, а то глядишь – и в действительных ходит! Да и черты лица у главы обсуждаемого семейства не лишены приятности. Этаким еще крепкий груздочек, – мысленно произнесла госпожа Ардашева, да так «груздем» он у нее и остался. А женушка! – А-ах! – вырвался легкий завистливый вздох. – В свои тридцать выглядит максимум на двадцать два. Ну и красива же, слов нет!» Надо сказать, Веронике Альбертовне всегда нравились грациозные, стройные, обворожительные женщины, умеющие властно повелевать мужчинами и строить их фалангами, рядами и колоннами. Это восхищение появилось у нее еще и оттого, что сама она (к своим сорока годам уже чуть-чуть раздобревшая в пропорциях) была человеком добрым, уступчивым, то есть прямой противоположностью холодным и эгоистичным обольстительницам. А мужа заботливая жена всегда встречала мягкой и солнечной улыбкой, хоть даже у самой на душе кошки скребли. «Женская ласка и есть тот самый лучик, призванный растопить всю горечь временных неудач мужчины – защитника семьи и кормильца», – вполне откровенно считала супруга присяжного поверенного и вот уже более двадцати лет вела себя сообразно этому постулату. «Оттого, верно, и торопится всякий раз Климушка домой, что я у него есть», – слегка улыбнувшись, приятно вздыхала госпожа Ардашева, чувствуя, как от добрых мыслей по груди растекается тепло. «Несомненно, кое в чем я ей уступаю. Взять, к примеру, глаза: большие, цвета грецкого ореха... А крылья-ресницы! Да разве с такими рождаются? – Она опять тяжело вздохнула. – А нос? Маленький, аккуратный, будто углем рисованный – не курносый и не длинный. А милая ямочка на подбородке? Она совсем ее не портит, хотя, впрочем, и без нее можно было обойтись, и даже лучше, если бы ее и вовсе не было. А губы! Вечный предмет моей зависти! – расстраивала себя наблюдательная госпожа. – Ну почему они у меня словно две ниточки? Говорят же, что только у злых людей они бывают тонкие, но я-то тут при чем? Зато у нее – нет, вы только посмотрите! – округлые, полные по контуру и будто завязанные посередине в этот ослепительно завораживающий узелок! А как она ими играет! Умница! То кокетливо скривит, обнажая янтарные зубки, то обиженно выдвинет вперед

нижнюю губу... Я даже один раз заметила, как Клим уставился на нее. Но расстраиваться по этому поводу не стоит. Ведь Климушка как раз из тех, кто смотрит на красивую женщину, а думает о чем-то своем, например о какой-нибудь очередной запутанной головоломке с двумя десятками трупов. И даже ее синее платье из набивного ситца с рисунком из белых зигзагов очень недурно смотрится. Правда, декольте переходит всяческие разумные границы. Уж я бы точно такое не надела, хоть и имею в этом смысле несомненные преимущества. Тут уж со мною тягаться бесполезно – ничто не поможет: ни утянутый корсет, ни вырез размером с Финский залив! Как говорится, с природой не поспоришь! А все-таки эта складочка на ее груди, похожая на крошечную, взмахнувшую крыльями чайку, заставляет мужчин задерживать взгляд и тяжело вздыхать. По-моему, этот тощий, как аист, молодой человек, представившийся Харитоном Свирским, так и пялится на эту распутившую перышки птичку. Да, точно – этот маменькин сыночек прилип к юбке обворожительной Елены Николаевны. Лет ему, наверное, двадцать пять, а все студент и все с лакеем. Только старика жалко. Носится с ним как с младенцем. Смотрю, а прошлой ночью бежит гувернер по палубе с шотландским пледом: «Ваше благородие, Харитон Львович, милостивец, не изволите ли укрыться, а то, избави бог, застудитесь». А у этого Харитоши уже бакенбарды с бородой срослись. Ох, чувствую я, что родители насильно чадо свое вояжировать по морям отправили. Тут два варианта: либо влюбился в кухарку и заявил, что женится, либо нахватался анархистских идей и угодил в участок. Скорее второе, потому что слышала я, как он за глаза Клима «жандармским шпиком» назвал. Его счастье, что муж в этот момент уже опустил в палубное кресло и, открыв коробочку с «Ландринном», погрузился в свои заумные логические эмпирии. А то неизвестно, каким бы боком этому тщедушному мозгляку вышла его необдуманная фраза. А капитан – Александр Викентьевич Неммерт – хоть по фамилии и иностранец, а натуры чисто русской: добродушный, мягкий человек с толикой барских замашек и негибаемой волей (об этом говорит его взгляд – умный и решительный). По обветренному в морских странствиях мужественному лицу и тронутым сединой усам можно заключить, что повидать ему пришлось немало. Команду он держит в строгости, однако это ему не мешает обращаться с подчиненными вежливо и справедливо. Малоопытным матросам он помогает и относится к ним снисходительно. А нашу «птичку» он рассматривал с явным интересом, в тот самый момент, когда еще в Одессе она на борт поднималась. Красавица заметила это и зарделась кизилевым цветом, будто гимназистка. По-моему, ей определенно нравится находиться в центре внимания, как новогодней елке на Рождество. Вот и старший помощник капитана – Антон Капралов – выйдет на палубу и все рыщет глазами, нет ли где нашей Мадонны? А завидев ее, обязательно пройдет мимо, хоть в ту сторону ему и совсем не надобно было. Давеча смотрю, а Елена

Николаевна вместе с мужем на корме морской панорамой любуются, а мимо старпом шествует. Поравнялся с Еленой Прекрасной, засвидетельствовал свое почтение – картуз приподнял – и напрямик на мостик. Так зачем, спрашивается, было на зад корабля шагать, если твое место у штурвала? Ответ, думаю, сам собой напрашивается... А вообще-то пассажиров первого класса в Одессе набралось совсем мало. Капитан сказал, что остальные добавятся в Новороссийске. То же самое и с третьим классом. Только беспокойства от них много: галдят, шумят да с чайниками в очереди за бесплатным кипятком толкаются. Вся эта толпа – человек пятьдесят – большей частью православные паломники, но есть и несколько мусульман, плывущих в Константинополь и Египет. Слава богу, их к нам не допускают... Ну вот и причалили, наконец...»

II

Жандарм, позванивая шпорами, вежливо собирал паспорта у поднимающихся по трапу пассажиров, тут же прищелкивая их печатью. Старушки на палубе плакали и крестились, доверив себя богу и неведомой дотоле морской стихии. То были паломницы, пробиравшиеся к Гробу Господню. Третий свисток. На судне заработала машина. Маленький маневровый пароходик, будто шавка у ног слона, бегал вокруг лайнера, тянул за канаты, тужился и выбрасывал в небо дым. Наконец буксир прокашлялся и медленно потащил из гавани многотонное судно.

– Вы не представляете, как я душевно обрадовался, увидев вас на пароходе. – Пустоселов обхватил двумя руками затянутую в белую перчатку ладонь присяжного поверенного и стал ее усердно трясти. – А мы тут со всей нашей экспедицией на Мадагаскар за целакантусом, знаете ли, собрались. Вон и остальные на борт поднимаются. Помните лекцию в купеческом Клубе? Вот и направили меня наши меценаты, чтобы я за расходом денег присматривал. Пытался отбиться, да куда там! Вы же знаете Костянкиных... Если сегодня не согласишься, то завтра они из тебя сало вытопят! Отказывать – себе дороже. Так что я здесь исполняю функции казначея, а следственно, и старшего.

– Но ведь корабль идет только до порта Джибути, – Ардашев с трудом отнял руку.

– Да, я знаю, но мы уже связались по телеграфу с представительством РОПиТа в этой африканской стране, и они обещали подыскать нам судно, которое

доставит экспедицию до Мадагаскара.

- Позвольте представить, Вероника Альбертовна, моя жена.

- Признательно благодарен за знакомство и нескончаемо рад следовать в компании столь очаровательной дамы, - подобострастно улыбнувшись, изрек купец.

- Странно, что раньше мы с вами не встречались, - промолвила Вероника Альбертовна, благосклонно приняв отпущенные в ее адрес комплименты.

- А это и неудивительно. Вы, должно быть, в Успенский храм ходите, а я в Андреевский. А днями, увы, я в лавке пропадаю или по окрестным селам в пролетке мотаюсь. Торговля - дело хлопотное, да-с...

Тем временем портовые грузчики вносили на палубу ящики. Вокруг них суетился тщедушный человечек в английском кепи с гусарскими, лихо закрученными усами, то и дело покрикивающий на носильщиков. Он грозил страшными небесными карами здоровенным, усмехающимся ему в лицо амбалам, если только они посмеют уронить первые два ящика. Остальной багаж, судя по всему, его абсолютно не интересовал.

- А это наш синематографический оператор - господин Бранков. За свое оборудование переживает, - кивнул в сторону незнакомца негодник.

- Позвольте, господа, уж не тот ли это самый Бранков, который снял нашумевшую фильму «Понизовая вольница»? - вступил в разговор стоящий тут же капитан.

- Он самый и есть, - ответил Пустоселов, выпрямив от гордости грудь. - Господа ставропольские купцы выписали сию знаменитость из Москвы, в видах того чтобы он самолично снимал всю историю нашей научной экспедиции. А рядом - доктор зоологии Граббе, Генрих Францевич, почетный профессор множества европейских университетов. Да вы, Клим Пантелеевич, его, должно быть, помните.

- Еще бы!

– А за ним – преподаватель географии Михайловского ремесленного училища господин Завесов Лиидор Макарович в компании с учителем естествознания Лепореловым Елизаром Матвеевичем, далее Андрей Ферапонтович Смальский – корреспондент «Ставропольских губернских ведомостей». При каждом заходе в порт он должен отсылать в Ставрополь телеграммы с короткими очерками о нашей экспедиции. Ну и, наконец, Асташкин Виктор Павлович – бесстрашный исследователь глубин.

– Простите, – переспросил Неммерт, – кто?

– Водолаз со всем необходимым снаряжением, какое только может понадобиться, – постукивая пальцами по лакированным, еще пахнущим свежим спиртовым лаком перилам, пояснил Пустоселов.

– Да, серьезный состав, ничего не скажешь. Ну что ж, господа, занимайте каюты, а вечером, надеюсь, встретимся в ресторане, – вымолвил Александр Викентьевич, спускаясь на берег. Дождавшись, пока поднимется последний пассажир, он приказал готовиться к отплытию.

– Никуда от ваших ставропольчан не деться, – с ноткой грусти заметила Вероника Альбертовна.

– От наших, дорогая, – поправил жену Клим Пантелеевич. Он достал из бокового кармашка коробочку «Ландрина», выбрал красную конфетку и положил ее в рот.

– Ну да, от наших, – согласилась супруга, – никак не привыкну я к этой провинции.

Оставив после себя белый след на воде да черную дымную сосульку в небе, корабль вышел из новороссийской гавани.

III

Построенный на английской верфи в 1893 году, русский круизный лайнер «Королева Ольга» хоть и уступал «Селтику» или «Мавритании» по размерам (длина корабля – пятьдесят семь саженой, ширина – почти семь), зато обладал неплохими ходовыми качествами и немалой вместимостью. За один час он

проходил двенадцать узлов и брал на борт до ста семи человек. Каюты пассажиров первого класса отличались повышенным комфортом и напоминали номера приличного отеля где-нибудь на Елисейских Полях или Оксфорд-стрит. Здесь даже имелся небольшой синематографический зал на тридцать мест и музыкальный салон, отделанный мореным дубом, венецианскими зеркалами и украшенный люстрой из чешского хрусталя.

Известные российские оперные и эстрадные знаменитости почитали за честь выступить на его борту. Говорят, что во время прошлогоднего концерта Федора Шаляпина тонкое стекло электрических лампочек не выдержало мощи его баса в «Дубинушке» и треснуло как яичная скорлупа. Два месяцами позже его сменил господин Собинов. И опять происшествие. Стоило обладателю редкого, лирического тенора взять малое «до» второй октавы, как некоторые экзальтированные дамы от дивного пения потеряли сознание. А в этом рейсе все с нетерпением ожидали появления исполнительницы цыганских романсов – несравненной Анастасии Вяльцевой, севшей на пароход в Новороссийске.

Артистов прельщали не только солидные гонорары, выплачиваемые Российским обществом Пароходства и Торговли, но и возможность бесплатно посмотреть далекие страны и неведомые моря. «Королева Ольга» – корабль, работавший на круговой линии Одесса – Александрия, но иногда, как было и на этот раз, его маршрут менялся и к Черному, Мраморному, Эгейскому и Средиземному морям добавлялось еще и Красное. Такие круизы выполнялись лишь при наличии достаточного количества заказанных билетов по новому направлению.

В ресторане под музыку электрического граммофона гости вкушали лучшие заморские блюда. Клим Пантелеевич с Вероникой Альбертовной, до этого сидевшие с капитаном, теперь оказались в компании еще и профессора Граббе. За вторым столиком собрались остальные члены экспедиции: купец Пустоселов, ботаник Лепорелов, географ Завесов, репортер Смальский, оператор Бранков и водолазный офицер Асташкин. А с другой стороны за белоснежной скатертью с латунной табличкой № 3 блаженствовала семейная чета Прокудиных, студент Свирский и старший помощник капитана Антон Капралов. В углу за № 4 разместился штурман Войцеховский и судовой врач Березкин.

Появление российской эстрадной дивы было встречено почтительной тишиной. Первым не удержался старпом и, встав с места, захлопал в ладоши. За ним последовал купец Пустоселов, потом капитан Неммерт, и вскоре все присутствующие дружно приветствовали красавицу. «Анастасия Вяльцева!» –

раздавались восхищенные возгласы. Смутившись, певица опустила глаза. Дождавшись, пока смолкнут рукоплескания, она вымолвила:

– Благодарю вас, господа. Но право же, не нужно уделять мне столько внимания, тем более что ваши аплодисменты еще пригодятся на концертах.

В сопровождении аккомпаниатора (брюнета лет сорока с завитыми кверху усами и недобрими, бегающими глазками-пуговками) исполнительница романсов заняла свободное место рядом с капитаном и оказалась как раз напротив Вероники Альбертовны. Ее спутник, не найдя себе места, с миной бассет-хаунда прошествовал к соседнему столику, но, взглянув на очаровательную Елену Николаевну, тут же сменил неудовольствие на благодушие. Галантно испросив разрешения, он уселся между студентом и старшим помощником капитана. «Ну вот, еще один таракан-сердцеед», – подумала Вероника Альбертовна и мысленно усмехнулась, найдя данное прозвище до чрезвычайности уместным. Откровенно говоря, Вяльцева была весьма привлекательна. Длинное платье из бело-розового французского шелка придавало ее внешности некоторую зефирную воздушность. «Если и бывают на свете феи, то они именно такие», – вздохнула с некоторым сожалением госпожа Ардашева и вновь подумала, что ей опять пора сесть на диету.

Постепенно внимание гостей переключилось на блюда, и все без исключения с удовольствием принялись орудовать столовыми приборами, выказывая восхищение изысканными творениями корабельного повара.

Камбузинер постарался на славу, и кушанья на столе были самые отменные: телячьи ножки под белым соусом, селетки в раковинах, фаршированная индейка с салатом из маринованных вишен, заливное из телячьей головы, щука под соусом, пудинг из белого хлеба с сабайоном, соус из каштанов с красным вином. «Шато-Ляроз», «Го-Сотерн», «Токай», шампанское «Аи», игристое «Цимлянское», коньяк французский и водки: анисовая, листовка, очищенная.

– Разрешите полюбопытствовать, господин капитан, а какое расстояние между Новороссийском и Константинополем? – любознательно поинтересовался профессор.

– Четыреста пятьдесят пять морских миль. Надеюсь, послезавтра утром мы войдем в Босфор.

– Скажите, Александр Викентьевич, – не удержалась от вопроса Вероника Альбертовна, – а насколько часто случаются кораблекрушения?

– Ежегодно гибнет около тысячи судов. В основном это мелкие рыбацкие шхуны и старые пароходы. Только один тайфун может унести сразу несколько десятков морских странников. На моей памяти самым неудачным был девяносто четвертый год. Тогда, как сообщал «Морской сборник», на дно ушло – подумать только! – 1242 судна. К сожалению, человек еще очень беспомощен перед разрушительной силой природы. Но вам не стоит беспокоиться – «Королева Ольга» имеет двойное дно и водонепроницаемые переборки.

– Когда мы жили в Петербурге, то в одной из газет я прочитала сообщение о встрече русского парохода с так называемым «Летучим голландцем», то есть кораблем-призраком. Он шел с поднятыми парусами на приличной скорости и никак не реагировал на предупреждающие сигналы. Капитану стоило больших трудов избежать столкновения. А вам не приходилось встречаться с такими морскими привидениями? – Супруга присяжного поверенного приготовилась внимательно слушать.

– Должен вам сказать, господа, что мне известно несколько довольно странных случаев. Возможно, господа, вы слышали о загадочной судьбе парохода «Рейнбоу»?

– Да-да, – откликнулся присяжный поверенный, – он пошел ко дну вместе со всем экипажем где-то в Атлантике. Если я не ошибаюсь, это случилось в 1906 году.

– Вы правы, Клим Пантелеевич. Команда целого грузового судна готова была поклясться на Библии, что видела, как «Рейнбоу» от киля до клотика накрыли волны. По непонятным причинам ни один из членов экипажа не смог спастись. Однако через некоторое время утонувший пароход пытался протаранить несколько торговых судов. Их матросы были готовы засвидетельствовать под присягой, что своими глазами видели на его борту надпись «Рейнбоу». Дело дошло до того, что эскадра кораблей Британского военно-морского флота получила приказ найти и потопить этого «бродягу», мешавшего мирному судоходству в Атлантике. И вот, когда в тумане показались неясные очертания фантома, британский эсминец произвел по нему несколько залпов. Корабль вспыхнул, развалился на части и пошел ко дну. В Адмиралтейство сообщили, что задание выполнено. А через год пассажирский лайнер вновь повстречал «Рейнбоу». Более того, его удалось взять на буксир, но неожиданно опустился

туман и трос по непонятным причинам порвался. Снова послали эскадру, и опять королевский линкор расстрелял страдальца. Через неделю капитан нефтеналивного судна сообщил, что в районе Балеарских островов на рифы сел корабль под названием «Рейнбоу». Из-за шторма подойти к нему не было никакой возможности. Одновременно стало известно, что его видели в Ирландском море.

– Но позвольте, господин капитан! – Граббе снял очки и принялся протирать окуляры носовым платком. – Это противоречит всем постулатам современной науки!

– Да я и не спорю. Но в прошлом году у берегов Огненной Земли, вблизи Пунта-Аренас, английский пароход «Гелиос» обнаружил дрейфующий барк. Людей на нем не было. Когда до незнакомца оставалось менее трех кабельтовых, на «Гелиосе» застопорили машину и спустили шлюпку. Приблизившись к судну, моряки прочитали полустертую надпись на его корпусе: «Лакония», Глазго. Боцман, ухватившись за свисающий канат, взобрался на палубу и подал в шлюпку штротрап. Поднявшись на борт, англичане остолбенели: все паруса и мачты были покрыты зеленоватой плесенью, а палубные доски прогнили. У штурвала они нашли скелет в полуистлевшей одежде, еще один – у переборки, три – на палубе люка, десять на вахте у своих постов, а шесть – в кают-компании. Казалось, что команду в один миг постигла внезапная смерть. Спустившись в трюмы, матросы обнаружили непонятную слежавшуюся полусгнившую массу, прикоснуться к которой так никто и не рискнул. Вахтенный журнал отсырел, и записи в нем не читались. Но каких-либо видимых повреждений корпуса, рангоута или такелажа не наблюдалось, то есть парусник был в полном порядке. Удивленные моряки вернулись к себе. Условия погоды не позволяли взять корабль-призрак на буксир, и капитан ограничился внесением координат «Лаконии» в судовую журнал. Но, зайдя в порт, он тотчас доложил властям о странной встрече. В результате проведенного расследования удалось установить, что этот самый барк вышел из новозеландского порта Литлтона с грузом шерсти и мороженой баранины и направлялся в Англию. Командовал экипажем из двадцати семи человек опытный капитан Джеффри Хагерд. Кроме команды, на судне находилось еще пять пассажиров. Последний раз парусник видели в Тихом океане у Новой Земли. Это случилось... 1 апреля 1889 года, то есть двадцать лет назад! Вы можете это себе представить? Как объяснить столь удивительный факт? И где корабль находился все это время? Ведь не мог же он столь долго ходить по морям и океанам? И куда подевались остальные члены команды и пассажиры? Да и что же с ним произошло, в конце концов? Примечательно, что с тех пор никто этого «Летучего голландца» не встречал.

– А по-моему, все просто, – флегматично рассудил Ардашев. – Скорее всего, на этой самой «Лаконии» имело место массовое отравление. Весьма вероятно, что кок по неразумению приготовил блюдо из ядовитой рыбы, о разновидностях которых наш уважаемый Генрих Францевич может прочитать целую лекцию. Видимо, в последний момент у нескольких матросов случился психоз, вызванный помутнением рассудка, и вспыхнула ссора. В результате драки часть команды оказалась за бортом. Сменился ветер, и неуправляемый корабль прибило к бухте необитаемого острова, где он и простоял благополучно два десятка лет. Однако внезапный шторм вывел бриг из гавани, и он лег в дрейф, где его настиг «Гелиос». А разве нет? – Присяжный поверенный уставился на капитана.

– Этот вариант нельзя исключить, – задумчиво протянул Неммерт. – Но как же вы тогда объясните поразительную живучесть «Рейнбоу»?

– А мне кажется, что дело обстоит много проще. Согласно вашей же статистике, ежегодно гибнет около одной тысячи кораблей, но далеко не все из них сразу идут ко дну. Многие команды покидают их палубы слишком рано, и они, находясь в полузатопленном состоянии, еще долго сохраняют плавучесть. Попав же в быстрые океанические течения, «Летучие голландцы» дрейфуют в разных направлениях. Более того, даже разломившись надвое, некоторые части не тонут. Это в особенности касается деревянных парусников, чьи останки мотаются по всем морям. Видимо, слух о «Рейнбоу» разнесся так далеко, что он мерещился сразу в разных местах. Да, вероятно, англичане затопили его, а потом и еще один блуждающий корабль. И что же в этом удивительного? Что до различимой надписи «Rainbow», то здесь могли быть похожие начала других английских слов, например, «Raider», «Ray» или «Raptor» с видимыми остатками сохранившихся букв на отломившихся кусках корпуса. Я нисколько не сомневаюсь, Александр Викентьевич, что опасность, исходящая от этих блуждающих деревянных остовов, вам хорошо известна.

– Что ж, Клим Пантелеевич, готов с вами согласиться. Сам не знаю, почему это простое объяснение раньше не приходило мне в голову. К сожалению, господа, я вынужден вас на время покинуть. Ничего не поделаешь – служба. – Неммерт поднялся и прошествовал на палубу.

– А мне как-то немного не по себе после всех этих разговоров о кораблекрушениях, ядовитых рыбах и мертвецах, – поежившись, призналась певица.

– Да-да, – согласилась Вероника Альбертовна, – не лучшая тема для застолья. От этих страхов и до индигестика[4 - Индигестик (уст.) – несварение желудка (прим. авт.).] недалеко. Уж лучше расскажите нам, дорогая Анастасия Дмитриевна, о последних веяниях столичной моды.

– Я, право, полностью полагаюсь на господина Пакэна. Он мой личный портной уже много лет.

– Понятно, – растерянно изрекла госпожа Ардашева, сраженная именем знаменитого кутюрье.

Неспешный разговор продолжался, на столы подали десерт, и через открытые иллюминаторы донесся окрик боцмана: «Зажигай фонари!» На передней мачте и на корме вспыхнули огни, отразившись в воде желтым сумеречным светом. Солнце садилось в лиловую тучу с золотыми краями, а рядом по темно-зеленому небу проплывало неведомое чудовище, сотканное из воздушного облака. С востока показалась луна и заиграла серебристым столбом на море. Звезды, словно керосиновые фонари, занимались поочередно, будто невидимый фонарщик зажигал их на небесах.

Глава 9

Captain

«Магнолия», точно голодная волчица, второй день рыскала вдоль алжирских берегов, тщетно пытаясь обнаружить добычу. Пятьдесят четыре раба, прикованные за щиколотку к общей цепи, гребли вперед. Выгоревшие на солнце паруса подхватывали свежий бриз и несли узкое и длинное судно вперед. Зеленое мусульманское знамя реяло на флагштоке кормовой мачты, а палящее солнце размягчало смолу в палубных пазах и как будто бы приветливо улыбалось сидящим на цепи людям.

Этот тип галер был самым меньшим и имел пятнадцать-восемнадцать банок[5 - Банка (здесь) – скамейки для гребцов, находящиеся по обеим сторонам курсей (см. ниже) (прим. авт.).] и не более трех человек на весло, тогда как на больших

судах их было по пять, а то и по семь человек в ряд по одному борту (на французской «Ля Реале» насчитывалось четыреста двадцать семь мучеников, скованных одной цепью). Обращенные лицом к корме гребцы упирались ногами в палубный брус и синхронно забрасывали весло вперед, одновременно прогибаясь вперед. Стоило одному из них зазеваться, как он тут же получал страшный толчок в спину от сидящего сзади собрата; за ним обязательно следовал удар бича надсмотрщика.

Участь каждого из невольников была чудовищна: в отсеке размером в два с небольшим ярда длиной и чуть более трех футов шириной жили и вращали весло, присаживаясь после каждого взмаха, пятерки колодников, прикованных к скамейке. Каждому из них отводилось полтора квадратных фута жизненного пространства. Многие умирали от физического перенапряжения, ранений, тепловых ударов и воспаления легких. Низко сидящее судно при сильном ветре нередко накрывало волной, и промокшие гребцы то и дело простывали. Часто их ноги находились по колено в воде, и вся кожа была изъедена кровотокающими язвами. С утра до вечера надзиратели прохаживались по куршее[6 - Куршея - помост, располагавшийся выше палубы и тянувшийся по диаметральной плоскости галеры от рамбата - баковой (носовой) надстройки - до тендалета (легкого навеса на юте) (прим. авт.)], наказывая плетью уставших или невнимательных рабов. Если же требовалось догнать уходившую под парусами добычу, то в рот каждому из них клали смоченный в вине кусочек хлеба. И тогда судно могло развить скорость до десяти узлов. Обычный ежедневный рацион христиан был скуден: менее килограмма сухарей пополам с червями, чуть более ста граммов бобов, немного соли, масла и протухшей пресной воды. Редко - вино. В походе через день выдавали суп, и лишь на самые большие мусульманские праздники несчастным полагалось мясо. Когда запасы провианта были на исходе, похлебку варили из корабельных крыс, а в муку подмешивали древесные опилки.

«Магнолия» несла два легких орудия на баке и фальконеты на постицах[7 - Постицы - вынесенные за борта специальные брусья со штыревыми уключинами для весел (прим. авт.)]. Но по-настоящему грозной ее делал хорошо вооруженный десант, находившийся на ее борту. Обычная тактика магрибских пиратов заключалась в стремительном преследовании торговых судов с последующей абордажной атакой. Правда, скрытно подобраться к жертве галера могла лишь в том случае, если дул встречный ветер, поскольку на купеческом пинке, тартане или габаре уже издали чувствовали идущий с невольничьего корабля смрад и, поставив паруса, всеми силами пытались уйти от погони. Удушливый запах распространялся от невольников, справлявших

нужду там же, где им приходилось грести, есть и спать. Уборку на банках рабы делать не успевали, и оттого галеры часто называли «плавающими вонючками».

Но уже второй день «Магнолии» догонять было некого. И потому ее капитан нервничал, ерзал в деревянном кресле и покрикивал на подручных. Те же в свою очередь вымещали злобу на рабах. Свист бичей время от времени разрезал воздух, но кричать или даже стонать было строжайше запрещено. А если кто-то не выдерживал, то ему тотчас затыкали рот деревянной пробкой, висевшей у него на шее. Эти куски древесины были особенно нужны во время боя, когда раненые невольники сеяли панику своими истошными воплями.

Вдруг прямо по курсу возникло странное явление: вокруг солнечного диска появились радужные круги, отделенные от светила темным промежутком.

- Гало! - закричал вахтенный матрос.

- Гало! - подхватила команда.

- Гало! - испуганно зашептали рабы.

Староста Муамар - уже немолодой алжирец - приблизился к начальнику:

- Надвигается ураган. Надеюсь, мы еще успеем укрыться в бухте и бросить якорь.

Абдула кивнул и, не переставая перебирать четки, презрительно изрек:

- Пусть неверные налягут на весла.

«Магнолия» направилась к черной полоске земли. Плетки засвистели, и длинные, как щупальца гигантского омара, весла, вспенивая морские буруны, заходили чаще.

Капитан Русанов уже второй год ворочал тяжелое весло. На его глазах «Магнолия» совершила несколько дерзких абордажных атак и, не получив ни одной пробоины ниже ватерлинии, привела в гавань Алжира с десятков трофеев с приспущенными флагами. Эта стрелообразная гордая красавица считалась у

арабов счастливым судном. И в самом деле, корабельному плотнику еще ни разу не доводилось по-настоящему латать дыры в ее корпусе. Недавно построенная галера неожиданно появлялась среди волн и стремительно настигала жертву, завершая захват «купца» абордажной атакой. Боевая команда отличалась неслыханной жестокостью и в случае малейшего сопротивления безжалостно уничтожала пленников. С ранеными чужими матросами не церемонились, а просто выбрасывали за борт. В случае же бегства от многопушечных английских и французских фрегатов судно благодаря малой осадке успешно пряталось на мелководье фиордов.

«Магнолия» подошла к бухте и, не заходя в гавань, собрала паруса и бросила якорь. Штурман придерживался старого морского правила: в шторм стоит держаться подальше от суши; не ровен час волна выбросит корабль на камни или разобьет о прибрежные скалы. Абдула в сопровождении десантной команды пересел в шлюпку и, не желая испытывать судьбу, поплыл к берегу. На борту остался Муамар, пятеро матросов и два надсмотрщика. Небо моментально затянули серые гроззовые тучи. Из-за горизонта надвигалась пугающая угольная чернота, в которой кровавыми полосами реяли молнии. Вода закипала и дыбилась, покрываясь белыми бурунами. Команда, а потом и охрана спустились в трюм. Волны окатывали прикованных рабов с ног до головы. Галеру бросало как щепку, и каждый набегавший вал грозил ее перевернуть, а небо, казалось, вот-вот раздавит море.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Home is home though it be never so homely – (англ. посл.) – «дома и стены помогают» (прим. авт.).

2

Свифель (партарело) – устанавливался на вращающейся опоре. Позволял вести огонь в любых направлениях. Обладавал достаточно высокой скорострельностью и точностью по сравнению с пушкой (прим. авт.).

3

Бушприт – горизонтальный или наклонный брус, выступающий с носа парусного судна или парохода, дополнительно оснащенного парусами (прим. авт.).

4

Индижистик (уст.) – несварение желудка (прим. авт.).

5

Банка (здесь) – скамейки для гребцов, находящиеся по обеим сторонам курсеи (см. ниже) (прим. авт.).

6

Куршея – помост, располагавшийся выше палубы и тянувшийся по диаметральной плоскости галеры от рамбата – баковой (носовой) надстройки – до тендалета (легкого навеса на юте) (прим. авт.).

7

Постицы – вынесенные за борта специальные брусья со штыревыми уключинами для весел (прим. авт.).

Купить: https://tellnovel.com/lyubenko_ivan/krov-na-palube

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)